

НОВОЕ ВРЕМЯ

август 1991

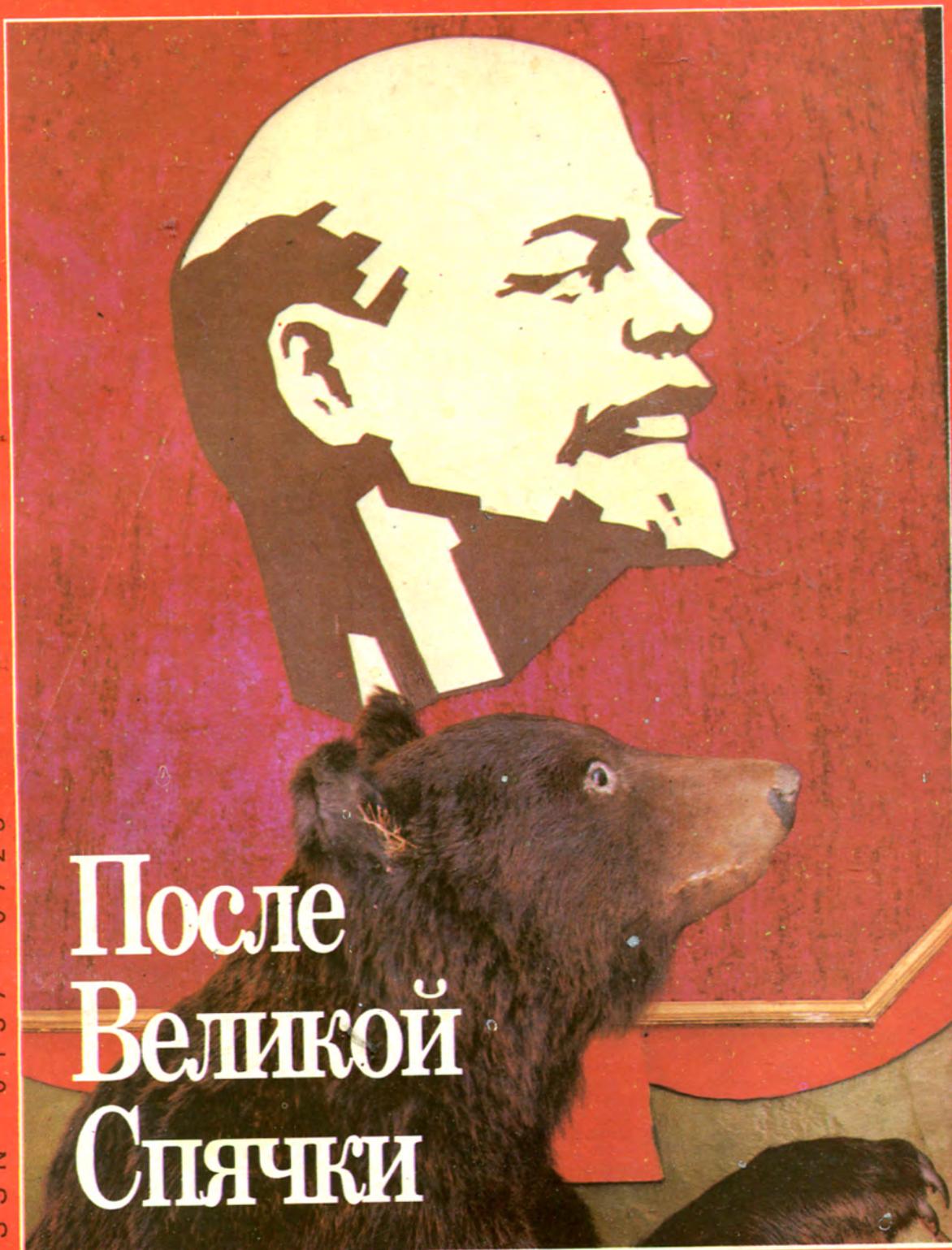
Ночь,
из-за
которой
чехи
и словаки
перестали
любить
Россию

34

Цена 60 коп.
Индекс 70621

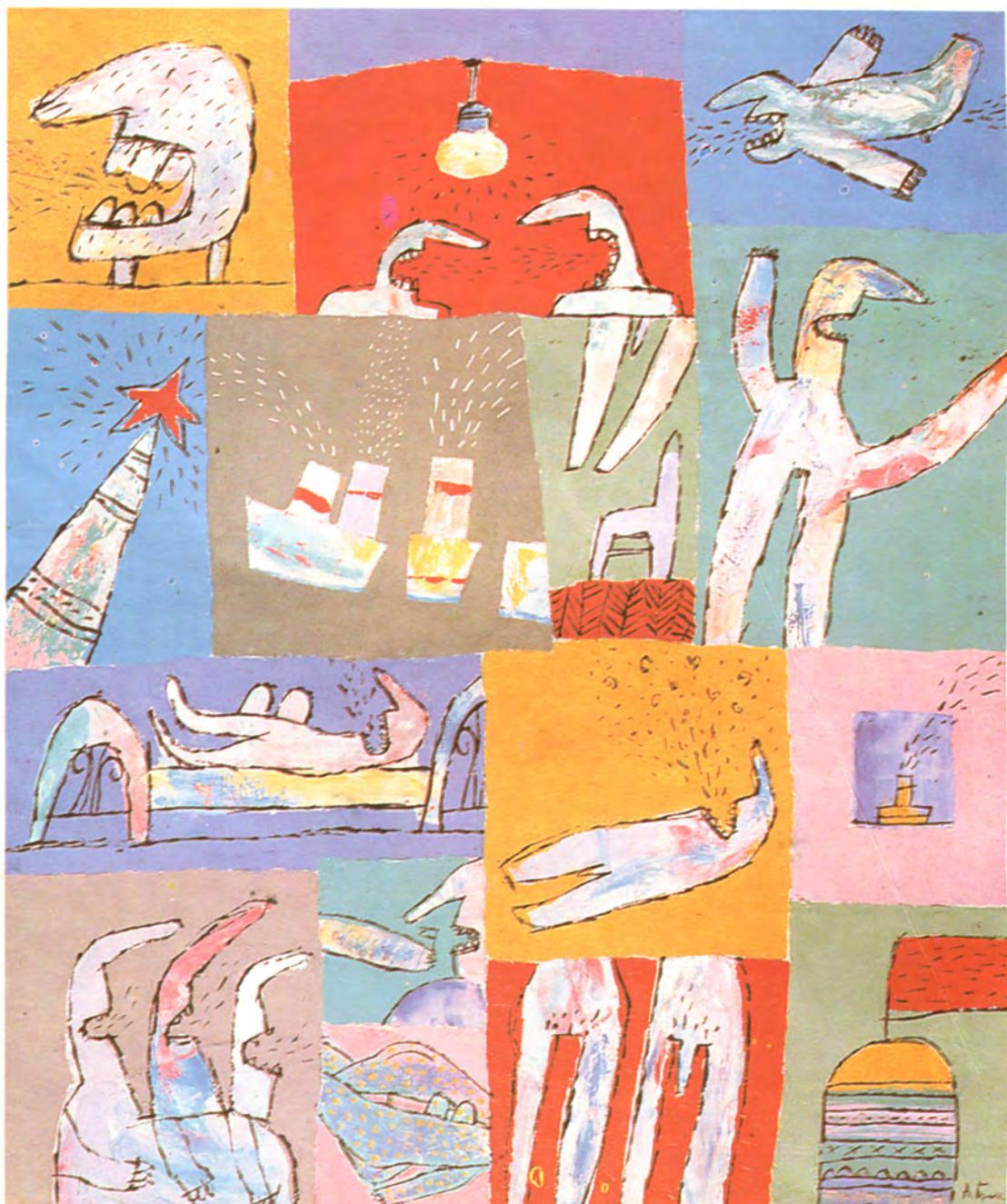
ISSN 0137 - 0723

После Великой Спячки

Р А К У Р С Ы

АНДРЕЙ БИЛЬЖО

Читайте в этом номере:

СТРАНА

- ЧТО ПРОИСХОДИТ? *Т.Иванова, Г.Сидорова, М.Шакина, С.Соловейчик*
-
- ОНИ СОВЕРШИЛИ ПЕРЕВОРОТ, НО У НИХ ДРОЖАТ РУКИ 4
-
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ *А.Пумпянский* ГЛАСНОСТЬ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ 13

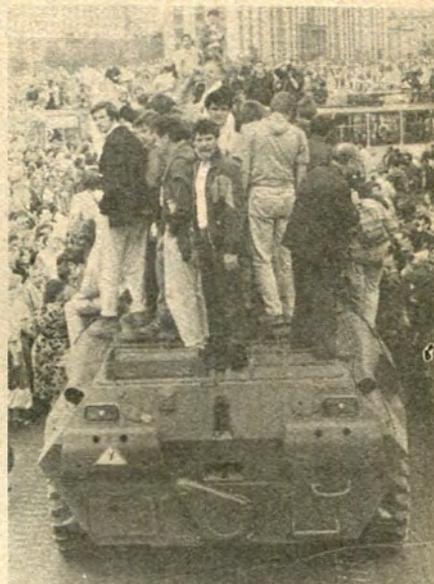
МИР

- БЛИЖНИЙ ВОСТОК *Д.Згерский* НИТОЧКА-ИГОЛОЧКА ПО ЛОСКУТАМ... 14
-
- США *Е.Русаков* ТЕХНОТРОННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ 16
-
- ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА *Л.Млечин* И КУРИЦА ПТИЦА, И БОЛГАРИЯ ЗАГРАНИЦА 19
-
- ПУБЛИКАЦИИ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» *Й.Смрковский* ПРАГА—МОСКВА. АВГУСТ 1968 22
-
- ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ *К.Исаков* ЗОЛОТО МАРКОСОВ 28

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

- ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА *Л.Разгон* ПЛЕН В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ (окончание) 30
-
- ЭМИГРАЦИЯ *К.Любарский* ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ 35
-
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА *С.Гурвиц* ПОРЯДОК В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ? 39
-
- РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ *М.Харрингтон* СОЦИАЛИЗМ: ДРУГИЕ БЕРЕГА 41
-
- ОБРАЗ ЖИЗНИ *Т.Иванова* ВАШ КОСТЕР В ТУМАНЕ СВЕТИТ 46
-
- СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ *В.Ганюшкин* БЕЗВРЕМЕННО УШЕЛ ОТ НАС ПОДПИСЧИК... 48

ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)

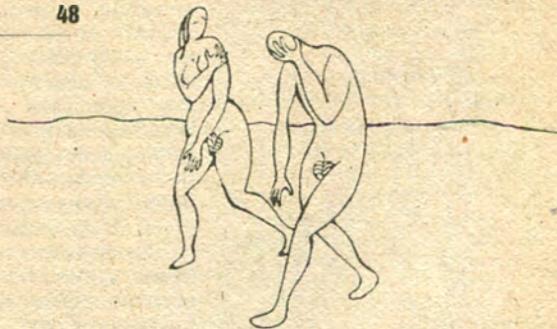
19 августа. Москва. Явление диктатуры народу

Стр.4

Евреи и арабы, кажется, смогут помириться с помощью американцев. Советский Союз в стороне?

Стр.14

Российская эмиграция: железный занавес еще не пал

Стр.35

Главный редактор

Александр
ПУМЯНСКИЙ

Редколлегия:

Александр **АРТЕМЬЕВ**,
коммерческий директор,

Лев **БЕЗЫМЕНСКИЙ**,

Алексей **БУКАЛОВ**,
ответственный секретарь,

Виталий **ГАНЮШКИН**,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей **ГОЛЯКОВ**,

Лев **ЕЛИН**,

Виталий **ИГНАТЕНКО**,

Леонид **МЛЕЧИН**,
заместитель главного
редактора,

Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,

Галина **СИДОРОВА**,

Марина **ШАКИНА**,

Игорь **ШЕИН**,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают в:**

Белграде, Берлине, Бовне,
Бухаресте, Варшаве, Вене,
Дели, Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Рнме,
Софии, Стокгольме, Токно

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском,
английском, немецком,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-57
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Вы опубликовали письмо Станислава Лещинского из Кракова (№3/91) — отклик на статью Лешека Колаковского об антисемитизме (№45/90). Лещинский пишет, что, несмотря на то что в Польше евреев практически не осталось, антисемитизм жив (видимо, «в теории», потому что на практике его в Польше применить не к кому). Рассказывает автор письма и о решении католической церкви прочитать во всех костелах проповедь с осуждением антисемитизма, который несовместим с христианством.

Я всегда считал православную церковь более прогрессивной по сравнению с католической. Но что-то я не слышал об аналогичных проповедях в нашей стране, хотя проявлений антисемитизма у нас более чем достаточно и пока еще есть к кому его приложить на практике. В последнее время авторитет церкви у нас вырос, и такие проповеди (в том числе и по телевидению) наверняка нашли бы отклик у слушателей.

Лет 10–15 назад на Вселенском соборе католической церкви было принято решение, в котором говорилось, что еврейский народ не несет ответственности за распятие Христа. Когда бывшему профессору Ленинградской духовной академии Осипову (он отрекся от сана) был задан вопрос, почему об этом не сообщила наша печать, он ответил, что правительство, видимо, не хочет портить отношения с арабами. Может быть, и сейчас наша церковь боится, что такие проповеди не понравятся правительству? После осквернения еврейских могил в Париже Миттеран возглавил демонстрацию протеста. В Ленинграде несколько лет назад тоже было осквернение могил. Почему руководство города не осудило это варварство?

Вероятно, считается, что у нас антисемитизма нет. Как не было в прошлые времена проституции и наркомании. У нас есть только антисоциализм, есть Антисионистский комитет, председателем ко-

торого является генерал Драгунский. С кем он воюет, этот комитет?

Ленинградские евреи вместо иврита начинают изучать немецкий. Говорят, Германия примет к себе на постоянное жительство значительное число евреев из Союза. Поедут, наверное, и ветераны-победители просить убежища у побежденных...

Борис Фридман,
инвалид войны I группы,
ветеран труда
Ленинград

■ В №23 журнала обратил внимание на искусственное соседствование двух материалов: «Богу — богово»... и «А что же атеистам?», по содержанию никак и ничем не связанных.

Увязав их, редакция как бы противопоставила серьезное дело спасения памятников русской церковной культуры (очень важное, о чем красноречиво говорят авторитетные подписи) легковесной попытке «провождения» создания общества свободомыслящих. Легковесной, мягко говоря, аргументацией мотивов создания, да и программы деятельности.

Но главное — в самой идее создания общества. **В нынешней ситуации оно не нужно!** Не нужно мешать позитивному религиозному влиянию на возрождение морали. И «координировать усилия всех верующих и неверующих в борьбе...» (!) — дело надуманное, вредное. Как и повсеместное создание «секций». Утешает уверенность, что с этой затеей ничего не получится.

И. Бражник,
политолог-религиовед
Киев

■ Совершенно случайно в одном из книжных магазинов Дюссельдорфа я наткнулся на ваш журнал. Купил один номер: многие статьи мне понравились. Несколько дней спустя я снова оказался в этом магазине и обнаружил еще десять номеров «НВ». Поскольку цена была очень доступной, купил их все. На

следующую ночь не спал до четырех часов — читал и перечитывал новое для меня издание, хотя номера были старые.

Особенно заинтересовала статья П.Симича «Неизвестный Тито» (№42/90). Я — рабочий и интересуюсь историей СЕПГ и КПГ. Материал Симича навел меня на мысль, что и германские коммунисты помогли Сталину, и НКВД. Не зря Мильке, Пик и Ульбрихт заняли руководящие посты после чисток. Я хочу собрать доказательства этому моему предположению. Есть ли архивы, в которых можно найти соответствующие документы? Может быть, это архивы Коминтерна или НКВД? Есть ли люди, готовые мне помочь?

Бертольд Вернер
Дюссельдорф, Германия

■ Я постоянная читательница «НВ». Ваш журнал помог нам получить квартиру. Земной вам поклон.

Читаю ваш журнал и центральные газеты (телевизора у меня нет) и злюсь на своих правителей. Сталин помещался на репрессиях, уничтожил настоящих коммунистов и интеллигентов, оставив бюрократов — борцов за портфель — и хамов. И все-таки были заслуги и у Сталина. Он оставил нам самолеты, машины, атомную бомбу. Защищайтесь! И ни у кого денег не занимал. Хрущев помещался на кукурузе и США. Обездлил весь мир и выкинул лозунг: «Догнать и перегнать Америку!» При нем началось падение деревни. Но есть заслуга и у Хрущева — целина. Брежнев помещался на химии. Все стало химическое — и воздух, и вода, и земля, и деревья. И все мы умираем медленной смертью от химии. Но заслуга Брежнева — БАМ. Андропов начал выметать воров, расправившихся при Брежневе. Но не успел всех вымести — умер. Черненко был старый и больной, с него спрос невелик. Вина Горбачева — сухой закон. Уничтожили все виноградники, появились наркомания. А демократические депутаты, как они решают проблемы народа? Взались

**«Не спал
до четырех
часов
утра —
читал
ваш журнал»**

**Безбожники нам
сейчас не нужны**

**«Один хозяин
сменяет другого,
а жизнь тяжелая,
печальная»**

выискивать ошибки у Маркса и Ленина... А жизнь тяжелая, печальная.

Г.Тарасова
Джамбул

■ Обратиться к вам меня заставило письмо Н.Долотова с Украины (№25/91), который написал о бывшем кладбище немецких военнопленных, от которого сегодня не осталось и следа.

Я случайно узнал о захоронении немецких военнопленных на Всевятском кладбище в Туле. Здесь в 1947 году был похоронен мой отец — полковник авиации Сергей Анучкин. Когда в 1983 году умерла моя мама, я хотел похоронить ее рядом с отцом, но кладбищенское начальство мне отказало... В разговоре (не помню уже в какой связи) администратор поведал мне, что военнопленные в тульском лагере по какой-то причине взбунтовались, и наши их всех постреляли. Несколько десятков немцев были захоронены на этом кладбище. Вот я и подумал: «Может быть, некоторые из солдат, считающиеся в Германии пропавшими без вести, лежат в тульской земле?» Вдруг эта информация заинтересует и международный неправительственный фонд «Вечная память солдатам», поставивший благороднейшую цель — примирение живых через увековечение памяти всех погибших солдат?

Арнольд Анучкин-Тимофеев,
кандидат наук
Москва

■ Меня очень встревожило одно место в яркой и впечатляющей статье Я.Рахмановой «Ночной разговор в больнице» (№9/91). В боль-

нице Рахмановой рассказали о том, как одна женщина поехала на Украину хоронить отца. Вдруг автобус остановили, зашли мужики и говорят: кто не местный, выходи — бить будем. И избили бедную женщину... Горько признавать, но, судя по сообщениям прессы, такие случаи имели место. И я, как представитель украинского народа, приношу глубочайшие извинения этой женщине и всем другим, кто испытал подобные унижения. Но не должна была автор оставлять данный эпизод без всяких комментариев. Потому что складывается впечатление, будто все украинцы — бандиты и националисты.

Хулиганы должны нести ответственность перед законом. А попытки придать подобным явлениям националистическую окраску только разжигают страсти.

А.Колесник
Винницкая область

■ Автор материала «Сгоревшие души» В.Петрушин (№ 25/91) с позиций социальной психологии пытается охарактеризовать генезис тоталитарного государства и дать рецепты лечения нашего общества. Весьма своевременная публикация.

Обвинять революционеров, совершивших переворот 1917 года, мы уже научились во всем, в том числе и в сумасшествии. Но ведь это не аргумент.

Автор прав: тезис о выдвигании из себя раба ничего не объясняет. Важен вопрос: откуда взялся этот раб? Кто его породил? Его породила феодально-крепостническая тоталитарная система русокого царизма, социально-классовый состав государства, в котором столетиями преобладала мелкобуржуазная, мещанско-рабская стихия, на базе которой социализм строить было нельзя, а тем более совершать великую революцию. Поэтому у нас и построено псевдосоциалистическое общество — общество мелкобуржуазного социализма. И это следствие не ложности самой теории, а результат методов переустройства общества. Вот где корень, а не только в том, о чем пишет автор.

На мой взгляд, нет в статье и ответа на вопрос, как конкретно лечить «больное об-

Я ТАК ВИЖУ

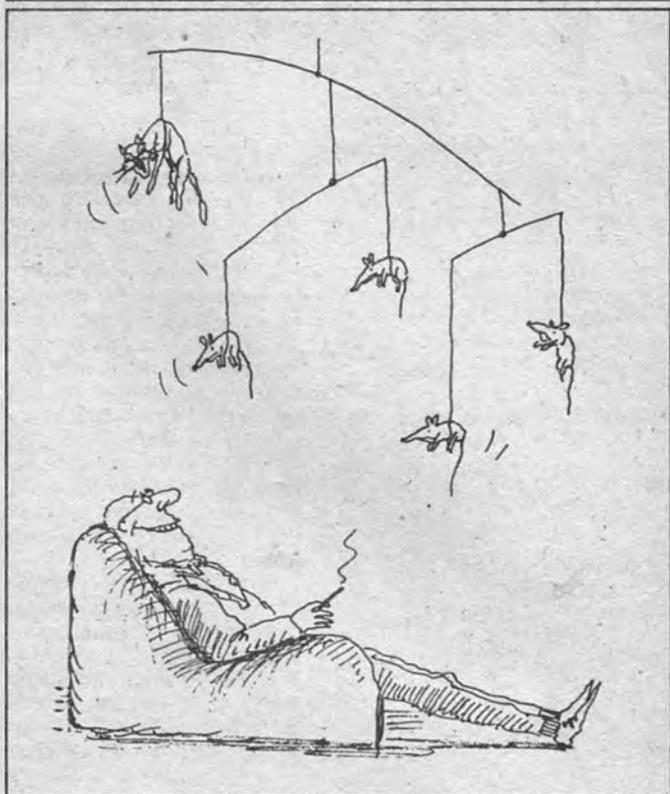

Рисунок Виктора Богорада

щество». В.Петрушин, правда, пишет о предоставлении гражданам личной свободы. Но он забывает, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя. Свобода понимается автором предельно абстрактно. Вылечить больное общество можно, только построив его заново. Надо создать новую общественную систему, что невозможно в рамках перестройки. Как это произойдет — покажет история, и не надо ее торопить.

Валерий Почепко,
кандидат философских наук
Ленинград

■ Прочитал отклик моего соотечественника Д.Миллера (№ 22/91) на статью Г.Ариевича «Не хочу, чтобы штык приравняли к перу» (№ 4/91). «Журналисты забывают, для кого они пишут», — сетует Д.Миллер. А мне хочется ответить ему: «Слава богу, что наконец-то журналисты вспомнили, для кого надо писать». Для нас: сидоровых и петровых, мезеров и миллеров, для их детей и близких, для обманутых и униженных, для нищих и богатых, солдат и генералов, для кухарки и президента. Одним словом, для людей. И

я рад, что такие издания, как «НВ», помнят о нас — забытых и оболваненных.

Мы вспоминаем сейчас о былом величии российского государства. А оно, величие это, отнюдь не в выпячивании великорусского шовинизма, как это делают демагог Жириновский и урапатриот Макашов, а в величии души русской, свободы мысли, терпимости и уважения к другим нациям. О невинных жертвах, крови и разврате, о нашей истории пишут журналисты. Я стал смотреть на мир по-другому благодаря освободившейся от пут прессы. Напрасно Д.Миллер думает, что мы «устали от бесконечного марафона по дороге гласности». Спасибо этому марафону за то, что я вспомнил о своих дедах, бесследно исчезнувших в кровавом 1938-м. Один из них воевал за Советскую власть, организовывал колхозы, а когда не нужен стал — пустили в расход. Другой дед (кстати, земляк автора письма) поплатился жизнью за веру в Бога.

И.Мезер
Рыбинск

Подборку подготовила
Т.Чернова

СТРАНА

ЧТО ПРОИСХОДИТ

Они совершили переворот, но у них дрожат руки

Фото Валерия Милосердова, Владимира Сварцевича, Дмитрия Хрупова, Дмитрия Борко

Штаб российской свободы

Все надежды тех, кому дорога свобода, связаны с Российским Белым домом, с Домом на набережной, с Верховным Советом России. С Ельциным. С Российским парламентом. И с самых первых часов переворота Белый дом Российской власти ведет себя героически. Что я вкладываю в это слово, утомленное бесконечным и часто пустым, бессмысленным употреблением в предыдущие наши эпохи. Благородство. Решимость. Отвагу. Безоговорочную решимость брать всю ответственность на свои плечи. Выдержку.

Нравственное чувство ни единого раза не отказало Ельцину. С самых первых часов после переворота он требовал вернуть Горбачева в кресло Президента СССР. Он заявил, что не верит в его болезнь. Он назвал путч путчем. Он зачитал Указ о том, что принимает на себя всю ответственность за положение дел на территории России. Он объявил, что любое должностное лицо, выполняющее распоряжение путчистов, совершает преступный акт и подлежит ответственности в уголовном порядке. Он обратился к армии. Как ему было обращаться, если путчисты захватили все каналы связи? Ельцин вышел на московскую улицу и залез на танк... Спокойно и холодно назвал путчистов государственными преступниками Хасбулатов. Генерал Кобец веско и кратко заявил, что надо продержаться ночь — страшную первую ночь после переворота. А мы продержимся? Спросил корреспондент радиостанции «Свобода». Не сомневаюсь. Ответил Кобец. Мы профессионалы. Нам или побеждать в такой ситуации, или стреляться. Мы победим.

Ельцин призвал ко всеобщей бессрочной стачке. Депутаты, сторонники Демократической России по телефонам, в листовках понесли этот призыв по стране. Еще и еще раз, все жестче час от часу Белый дом требует, чтобы Горбачеву было предоставлено слово на радио и на телевидении. В роковые минуты Михаил Сергеевич Горбачев узнает — если он жив, — где благородство, где верность слову, где дружба, где расчет, где предательство, где интересы народа и где, наконец, безудержное стремление захватить власть любой ценой. Впрочем, многие узнают о себе и других все в роковые часы. И ничего не стоили наши прежние знания — перед этими, новыми знаниями.

Штаб Российской свободы во главе с Борисом Николаевичем Ельциным действует. И пока он действует, есть надежда у нас, у мира, у всех. Даже у Михаила Сергеевича Горбачева. Даже у Горбачева.

Татьяна Иванова

Явление диктатуры народу

19 августа. Мы хотим запечатлеть этот день таким, каким мы его прожили. День, в возможность которого мы не верили. От которого отмахивались как от дурного сна. Но он настал. А может быть, мы все позволили ему настать?

Галина Сидорова

4 утра. Подъем по тревоге. Команда: по машинам! 18-летние парни, салаги, первый год службы, на ходу протирая глаза, прыгают в танки и бронетранспортеры. Они не знают, что их ждет. Через несколько часов, уже в Москве, мальчишки, растерянно выглядывающие из устрашающей груды железа, охотно демонстрируют не менее растерянным прохожим пустые магазины автоматов. Неподдалеку в грузовиках — ящики с патронами.

12.00. Войска взяли в кольцо Манежную площадь и подступы к Кремлю. Приезжаю во Внешнеполитическую ассоциацию, где Эдуард Шеварднадзе и народные депутаты Александр Владиславлев, заместитель председателя научно-промышленного союза СССР, и Михаил Минасбекян, возглавляющий группу «Согласие» в Верховном Совете СССР, колдуют над обращением Совета Движения за демократические реформы. Быстро рождается давно выстраданный документ: «...В стране

совершен антиконституционный переворот. Еще не ясно, как это произошло...

Мы требуем немедленного выступления Президента перед народом.

...Первые заявления захватившей власть группы, ввод войск в Москву и, очевидно, в другие центры говорят о том, что предпринимается попытка отбросить Конституцию страны, растоптать демократию, ограничить свободы граждан.

Временный Комитет спекулирует на существующих трудностях, демоagogически обещает решить все проблемы, вывести страну из кризиса. Это — обман. У этих людей нет ничего, чтобы выполнить подобные обещания. За ними стоят только сила, неизбежность репрессий.

Инициаторы переворота совершают ошибку, когда думают, что армия, силы правопорядка выступят против своих братьев и сестер, отцов и матерей. Мы уверены, что большинство их откажется стать инструментом террора.

...Переворот и на этот раз происходит по схеме, которая начала

отрабатываться в Прибалтике, где впервые появились «комитеты спасения». Теперь такой комитет захватил власть во всей стране.

...Мы уверены, что демократические силы нашего Отечества, все те, кто не хочет возврата к тоталитаризму, к временам террора, выступают против антиконституционных действий самозванной группы, называющей себя «руководством страны». С нами будет и все прогрессивное человечество.

Движение за демократические реформы поддерживает заявление Президента России Б.Н.Ельцина и намерено тесно взаимодействовать со всеми, кому дороги свобода, демократия и человеческое достоинство.

Движение требует в соответствии с Конституцией СССР немедленного созыва сессии Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР».

13.30. С Шеварднадзе, Владислав-левым и Минасбекином выезжаем в штаб-квартиру Движения за демократические реформы. Машина едва протискивается по загруженным московским улицам. Возле магазина с неаппетитной вывеской «Птица» унылая очередь — человек

50. Закрытый коммерческий. Убогий рынок из нескольких старушек. Неподдалеку группа людей пожирает глазами наспех прикрепленную к дощатому забору листовку одной из оппозиционных партий. Время от времени попадаются прохожие с небольшими транзисторами — совсем как во времена кажущегося таким далеким первого Съезда народных депутатов. Чтобы попасть в центр, в нарушение правил едем через пешеходный Столешников. Навстречу пестрая толпа с опустошенными, усталыми лицами. Люди явно стараются не замечать чужеродных металлических тел на детства любимых улицах.

А я вдруг отчетливо представляю улицы Тбилиси. Как мы ехали по ним 10 апреля 89-го года, сразу после трагедии. Тогда танки казались мне какой-то чудовищной, неестественной декорацией к беззаботному южному городу. Пока я не столкнулась с первой женщиной в черном с глазами, полными боли, ненависти и непонимания: как такое могло случиться?

14.00. Благополучно добрались в штаб-квартиру Движения в гостинице «Минск». Пытаемся разобраться, где что происходит. И где

кто. Уже перекрыт кислород российскому радио и телевидению, независимой прессе. Поэтому информацию передают из рук в руки и на словах. Молодые люди приносят заявления различных демократических партий и организаций, осуждающие переворот, тут же их размножают. Выясняется: мэр Москвы Гавриил Попов пытается вернуться из отпуска. Вольский не появляется. Вести из Белого дома: Ельцин вышел и с танка обращался к собравшимся и солдатам. Но, несмотря на оживление, в «минской» штаб-квартире ощущается растерянность. Демократы не успели? не захотели? не сумели? объединиться...

16.00. Возвращаемся во Внешнеполитическую ассоциацию. Слово сиять смывает с московских улиц следы осквернивших их гусениц, моросит дождь. Шеварднадзе грустно смотрит в окно — меньше всего на свете он хотел, чтобы его предсказание сбылось...

— Почему это случилось?

— Наверное, есть закономерность. На переломных этапах очень важно иметь правильный ориентир и действовать решительно. Постоянные колебания, неопределен-

(Окончание на стр. 10)

ЯНАЕВ Геннадий Иванович. Родился в 1937 году. Кандидат исторических наук (по данным газеты «Правда» от 28 декабря 1990 года), кандидат юридических наук

(справочник «Народные депутаты СССР», Москва, 1990 год). Русский.

17 лет отдал комсомольской работе. С 1980 года зампред президиума ССОД. С 1986 года на профсоюзной работе — секретарь, зампред, председатель ВЦСПС.

Был членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС. На IV Съезде народных депутатов СССР в декабре прошлого года по настоянию М. Горбачева со второй попытки был избран вице-президентом СССР.

ПАВЛОВ Валентин Сергеевич родился в 1937 году. Русский. Окончил финансовый институт. Прошел путь от инспектора райфинотдела до министра финансов СССР. Работал

председателем Госкомцен СССР. В нынешнем году М.С. Горбачев назначил его руководителем своего кабинета министров. С именем Павлова связывают недавнее повышение цен.

БАКЛАНОВ Олег Дмитриевич родился в 1932 году. Украинец. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. С 1976 года — заместитель, затем первый заместитель

министра общего машиностроения СССР, а с 1983 года — руководитель этого министерства. С 1988 года секретарь ЦК КПСС, ответственный за «оборонку». Первый заместитель председателя Совета обороны.

ЯЗОВ Дмитрий Тимофеевич родился в 1923 году. Русский. В Советской Армии с 1941 года. Участник войны. С 1987 года — после приземления самолета Руста на Красной площади и снятия с поста

министра Соколова — министр обороны СССР. Был кандидатом в члены ЦК КПСС. Горбачев, настаивая на кандидатуре Язова, убеждал депутатов, что министр обороны — не такой важный пост.

Восемь минус один

Они окружали Горбачева

Марина Шакина

С самого утра в понедельник, 19 августа, по радио транслировали классическую музыку. Наши опытные соотечественники задавались вопросом: кто же умер? Ибо радиопрограммы всегда пересматривались в пользу классики незадолго перед тем, как диктор низким голосом объявлял: «С прискорбием сообщаем...» Затем звучали русские народные песни и песни народов СССР. И был зачитан — нет, не некролог, а нечто менее привычное — пакет обращений Государственного комитета по чрезвычайному положению — ГКЧП, — новой организации, взявшей власть в стране.

Чем болен Президент?

Прежде всего было заявлено, что Горбачев из-за болезни не может выполнять своих обязанностей. Больше к вопросу о Президенте не возвращались: что за болезнь, когда она дала обострение, комментарий личного врача — все это отсутствовало. Где в настоящее время находится Горбачев, опять-таки до последнего момента неясно, а официальные сообщения, даже хотя бы от ГКЧП, отсутствуют. Общество так устроено, что при недостатке солидной информации оно склонно строить догадки и предположения, которые распространяются с молниеносной быстротой (слухи). В следующем документе ГКЧП — «Постановление № 1» есть и такой пункт: «Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов...» Сначала создаются условия для слухов, затем за них карают?

Первую информацию дало не обращение к народу, составленное, в общем, из знакомых утверждений, из коих составляются в практически едином литературном стиле все декларации («неуправляемая страна», «народ пытаются лишить права решать...», «потоки слов и скудость практических дел», «угроза необузданной личной диктатуры»). Эти лексические блоки универсальны, их можно применять и в воззвании радикальной демократической оппозиции, и в листовке сторонников возвращения романовской династии. Первую информацию дали имена тех людей, которые создали ГКЧП.

Костяк ГКЧП составил ближайшее окружение Горбачева. Практически все они, кроме Янаева, взявшего на себя обязанности Президента, выступали в разное время с критикой курса Горбачева. Последний такой случай — история, прозванная «бунтом» в Верховном Совете, когда премьер-министр Павлов попросил чрезвычайных полномочий и министр обороны, председатель КГБ и министр внутренних дел поддержали эту просьбу, — и все случилось во время от-

лучки Президента. Но после столь лихого демарша — критики и даже просьбы о чрезвычайных полномочиях через голову Горбачева — руководители правительства остались на своих местах.

Первые версии

Анализ пачки документов, распространенных комитетом с помощью ТАСС, так и не раскрыл главной загадки: а что такое вдруг случилось в стране, что потребовало введения чрезвычайного положения? Ни в документах, ни позже на пресс-конференции оснований — кроме общих слов о том, что страна катится к катастрофе, — приведено не было. Да, преступность, да, дефицит всего на свете, да, инфляция, да, коррупция, да, межнациональные конфликты — но все это существует у нас постоянно, в том числе и в годы перестройки. Все это ежедневные заботы павловского кабинета — затем он и существует, чтобы спокойно, без паники, профессионально и не в авральном порядке эти проблемы решать. Какие вдруг открылись дополнительные обстоятельства, вынуждающие наше руководство к такому шагу — чрезвычайному положению? Нет ответа.

Вернее, опять-таки можно строить некоторые догадки. Из текста чувствуется, что все это как-то связано с намеченным было на 20 августа подписанием Союзного договора. Есть фраза о том, что поправа воля народа, продемонстрированная на референдуме от 17 марта. Это неясное место: как же поправа, когда вот-вот должен был заключиться новый Союзный договор? Но нелестное мнение Председателя Верховного Совета СССР о договоре, каждые полчаса зачитываемое по радио и телевидению вместе с обращениями Комитета чрезвычайного положения, косвенно подтверждало, что все-таки у нового руководства есть проблемы с Союзным договором. **Первой рабочей версией**, объясняющей появление новой власти, могла быть стоящая за всем этим **унитаристско-державная идея**.

Испробованные рецепты

Если обратиться непосредственно к сути «Постановления № 1», следует признать, что оно содержит массу соблазнительных вещей — понижение цен, например, заботу о трудящихся, защиту гражданских прав, ради чего, собственно, и объявлено чрезвычайное положение. Неопытно, правда, как сочетается с этим личный досмотр (предусматривается «Постановлением») и запрет на увольнение по собственному желанию (уже введен в Ленинграде)? Да и понижение цен на несуществующие товары — не слишком большое утешение. Павлов провел недавно повышение цен, а теперь вводит чрезвычайное положение, чтобы их понизить? Странные «экономические» действия...

Программа действий, описанная в «Постановлении № 1», приятна на слух, но не конкретна и до удивления напоминает стиль правительственных документов застойного времени, где обычно записывалось: «принять меры для улучшения положения с жильем», «поддерживать режим строгой экономии», «вести борьбу с коррупцией», «в недельный срок сделать то и это, и решить проблемы энергетического комплекса», «спасти урожай». Всплывают в памяти продовольственная программа и программа «Жилище-2000», последние из погребенных временем. Эти задачи ставились у нас не так давно из года в год, было традицией ежегодно решать и решать одни и те же проблемы. Тем не менее за семьдесят три года так и не удалось сдвинуться с места.

Ну хорошо. Вторая рабочая версия направляется сама собой. Может быть, комитет изыскал наконец способ, не ведомый пока никому, чтобы воплотить в жизнь все описанные в «Постановлении» великолепные задумки? И потому-то и взял власть, поскольку никто другой пока до него не додумался, а чрезвычайное положение — необходимое условие? Но в «Постановлении № 1» не удается отыскать эту панацею. Рецепты уже испробованные — повысить дисциплину труда, изыскать возможности, жестко контролировать соблюдение порядка. А пресс-конференция членов ГКЧП это подтвердила — министр внутренних дел Пуго ясно сказал, что никаких особых мер борьбы с преступностью он даже в условиях чрезвычайного положения не придумает. Приблизительно то же самое было сказано и по экономической части — пояснения, откуда вдруг возьмутся ресурсы для жилищного строительства, значительного улучшения качества здравоохранения, земля, чтобы всех одарить 15-ю сотками, даны не были.

«Постановление № 1» посрамит тех, кто во всем и везде видит происки коммунистов — в документах ГКЧП нет ни слова о «социалистическом выборе», «ведущей роли КПСС». Лояльно упомянута частная собственность и все разрешенные законом виды предпринимательства. С другой стороны, правда, все органы печати, разрешенные к выпуску, все, за исключением, пожалуй, «Известий» и «Красной звезды», принадлежат к семье партийных газет, хотя партии

вроде бы распуцены. Но, очевидно, это простое совпадение...

«Мой друг Горбачев»

Пресс-конференция ГКЧП принесла сюрприз — оказывается, уверял всех Янаев, глава комитета, все происходит чуть ли не с благословения Горбачева, который, когда выздоровеет, несомненно, присоединится к остальным («Мой друг Горбачев», — сказал он). На пресс-конференции рухнули все предварительные версии, ибо комитет, оказывается, создан как раз для того, чтобы проводить в жизнь реформы Горбачева, не подвергается сомнению курс внешней политики и действующие там договоренности, не пересматривается движение к рынку, более того, и модель Союзного договора — Союз на базе добровольности и партнерства республик — не противоречит воззрениям нового руководства. Возникает вопрос: тогда зачем весь сыр-бор?

Зачем же такие страсти, чтобы просто и дальше проводить политику реформ? Остается одна версия — личные или групповые интересы членов комитета. То есть это действия, направленные на сохранение власти высшей государственно-бюрократической прослойки, очевидно, имеющей тесные личные связи с аппаратом КПСС (многие из членов ГКЧП долгие годы функционировали в высших органах коммунистической партии). Поэтому неудивительно, что Секретариат ЦК КП РСФСР спешно признал янаевский комитет.

Определенные противоречия в высказываниях Янаева и положениях «Постановления № 1» наводят на мысль о том, что комитет активно использует в своих целях идеологию державного унитаризма, которую поддерживают часть армии, ветераны, национал-патриоты. Однако ГКЧП пока не решил, в какой мере стоит на эту идею опираться, ибо она предвещает неизбежное обострение отношений с республиками и, возможно, с мировым общественным мнением. Все остальные обещания ГКЧП очень напоминают классические приемы социальной демагогии. А тон всех этих документов просто оскорбителен для всех нас — это вера в то, что народ понимает только палку, и в то, что он так и останется рабом на веки вечные.

КРЮЧКОВ Владимир Александрович родился в 1924 году. Русский. Окончил Всесоюзный заочный юридический институт, Высшую дипломатическую школу МИД СССР. Трудиться начал в

1941 году рабочим на заводе. С 1959 года в аппарате ЦК КПСС: референт, заведующий сектором, помощник секретаря ЦК. С 1967 года на руководящих должностях в КГБ. С 1978 года заместитель председателя, а с 1988 года председатель КГБ. Генерал армии. Считался близким человеком сначала Ю.В. Андропова, затем М.С. Горбачева.

ПУГО Борис Карлович родился в 1937 году. Латыш. В 1960 году после окончания Рижского политехнического института работал инженером. Много лет отдал комсомольской и

партийной работе. В 1976 году приглашен на работу в органы государственной безопасности. С 1980 года председатель Комитета государственной безопасности Латвийской ССР, генерал. Министр внутренних дел СССР. В его компетенцию входит, в частности, руководство ОМОНОм.

СТАРОДУБЦЕВ Василий Александрович родился в 1931 году. Русский. В 1966 году окончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования.

Кандидат сельскохозяйственных наук. Член-корреспондент ВАСХНИЛ. Председатель Всероссийского совета колхозов и с июня 1990 года — Крестьянского союза СССР.

ТИЗЯКОВ Александр Иванович родился в 1926 году. Русский. Член КПСС. Работал генеральным директором свердловского НПО «Машиностроительный завод имени Калинина». С 1991

года президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР. Один из авторов опубликованного в «Советской России» «Слова к народу», в котором содержался призыв к «наведению порядка» в стране.

(Начало см. стр.6)

ность, а именно такое состояние было характерно для нашего общества в последние полтора года, неизбежно приводят к катаклизмам.

— Видимо, сыграла свою роль и разобщенность демократических сил?

— Если инициатор демократизации заинтересован в том, чтобы не было разобщенности демократов, нужно было сделать очень много. Понимаю, сейчас у него самое тяжелое положение, но он во многом виноват. Он не воспользовался уникальным шансом поддержать демократов, укрепить их позиции.

— Что делать сейчас?

— Чтобы спасти завоевания последних лет, предотвратить гражданскую войну — собственно, к ней и ведут дело инициаторы переворота, — единственный верный способ — объединить усилия всех демократов, реформаторов, всех честных, порядочных людей, в том числе и в армии, в органах безопасности, внутренних дел. Надеюсь на поддержку шахтеров, строителей, металлургов. Потому что только демократический строй может гарантировать нормальные человеческие условия жизни для любого рабочего. Я рассчитываю, что свое слово скажут студенты. Нужно выходить на народ любой ценой. Если народ отвергает демократические институты, ничего не сделаешь, все погибло. Но я верю: наш народ мудрый и в состоянии действовать решительно.

— Что вы понимаете под решительностью?

— Прогнать авантюристов.

— Каким образом?

— Через Верховный Совет, через Съезд народных депутатов. Я не за то, чтобы потом их сажать. Даже несмотря на то, что они — заговорщики. Просто проучить надо. Прогнать и избрать нормальное правительство.

— Вы считаете, это можно сделать без применения силы?

— Еще не поздно. Пусть соберется съезд. Мы не призываем к насильственному сопротивлению. Потому что знаем, к чему приводит, когда с одной стороны вооруженные люди, с другой — военный потенциал Советского Союза. Надо использовать стачки и демонстрации. Я в принципе против стачек, потому что страна не может жить в условиях постоянного напряжения. Любая остановка предприятия, организации бьет по карману рабочего человека. Но сейчас речь идет о главном. Основное надо спасти.

— Вы лично верите, что уставшие от обещаний, изверившиеся, измотанные люди готовы на какие-то решительные действия?

— Думаю, последние годы не прошли даром и люди в состоянии

анализировать происходящее, понимают, какая опасность нависла над страной. Я рассматриваю переворот как национальную трагедию для народов Советского Союза и в этом вижу угрозу всеобщему миру и спокойствию. Посмотрите, какие пренебрежительные высказывания в отношении западных государств содержатся в заявлениях самозванного комитета. Как будто ничего в международных отношениях не произошло, ничего в нашей жизни не изменилось. А где, на каком рынке они собираются купить 35–40 миллионов тонн хлеба? Урожай плохой. Страна идет к голоду. Без этого хлеба — западного или восточного, не знаю, какого происхождения, трудно будет накормить людей. Все это демагогические обещания.

— Чем вы объясняете отсутствие фамилии Лукьянова в списке государственного комитета по чрезвычайному положению? Политическая игра, попытка сыграть роль Горбачева?

— Думаю, тут может быть и формальная причина — разделение функций. И другое — самостоятельное выступление для политического деятеля выглядит солиднее.

— Тогда чего, на ваш взгляд, ждать от Верховного Совета, который соберется?

— Верховный Совет — это не Лукьянов. Не только Лукьянов...

18.30. У нас по Пушкинской дефилируют колонны танков. Не очень длинные. Но часто.

21.00. Никто не уходит из редакции. Решили: делаем номер как обычно. Как будто выходим в четверг. Договорились. И все же бродим по кабинету главного редактора, нашей штаб-квартире. Ищем предлог, чтобы еще побыть вместе.

Все как всегда. Только, может быть, кто-то прячет тревогу, упражняясь в остроумии, кто-то необычно сосредоточен. Вглядываюсь в лица моих друзей-коллег — очень разных и ставших за последние несколько лет такими близкими. Люди с плохо совместимыми характерами, противоположным складом ума, сроднившиеся, вместе познавая радость свободного творчества и горя на работе. Наша маленькая команда, впервые делавшая «свое» «Новое время».

Все мы в этот вечер украдкой поглядываем друг на друга, словно хотим запечатлеть в памяти такими немногим сумасшедшими и трудно выносимыми для чужих, какими привыкли видеть изо дня в день в наши самые счастливые журнальные времена.

Мы прощаемся. За ночь предстоит еще написать в номер. Беспристрастные хроникеры событий? Но все, что происходит, происходит не мимо нас, а с нами. И в глазах моих друзей читаю вопрос: «Что будет завтра?»

На Пресне снова баррикады

Журналистская интуиция бывает поразительной. 17 августа в «Комсомолке» на первой полосе была заметка под заголовком «А у нас переворот?» — заметка о другом. Но вот — пожалуйста.

...Вечером 19-го я был в гостях, собирался уходить, но узнал, что двое молодых людей, муж и жена, идут на Красную Пресню, к российскому Белому дому. Они были там весь день, строили баррикады, измучились: таскали бревна, «как Ленин на субботнике», а теперь должны были отнести туда немного продуктов, сколько нашлось дома.

Я упрямил их взять меня с собой. Любопытствовать в такие дни нехорошо, даже и журналисту, но отнести яблоки и помидоры? Чистое дело.

Как это ни странно сказать, мы все выросли на баррикадах. Гаврош был нашим первым героем, и в школе, если плохо вымоешь на дежурстве пол, учительница могла сказать обиженно: «Мы с вами по разную сторону баррикад». Все наше стандартное мировоззрение перерождено баррикадами, железными занавесами, границами, которые на замке, поделено на наших и не наших.

Незоров, клянясь в патриотических чувствах, чуть было не нанес великий ущерб русскому языку, чуть было не испортил драгоценное слово «наши».

Вечером 19-го слово очистилось, родилось заново, затрепыхало, перелетая от одного к другому: наши, наши... Оказалось, что это не разъединяющее, а объединяющее людей слово. «Не наших» не было нигде, а возле Белого дома все было наше — и танки тоже. Все только и повторяли: «Это наши танки, наши, наши танки».

Наши танки выглядели точно такими же, какие я видел днем возле Моссвета, где невоинственного вида солдат вдруг взял автомат наизготовку, щелкнул предохранителем и направил дулом на толпу, вовсе не осаждавшую его кургузый, кривой, в болотных пятнах десантный танчишко. Что пригрезилось солдату? Что он чувствовал возле Моссвета — на танке и с автоматом, нацеленным на людей? Великий идиотизм привел его сюда вооруженным до зубов, и самая малость отделяла мир от трагедии, подобной тбилисской. Я это видел сам.

Много пишут о людях, которые держат руку на красной кнопке

ядерной ракеты. Но ведь и спусковой крючок рядового автомата в руках рядового солдата может послужить пуском всеобщей трагедии. Каждый, кто первым приводит на улицы современного города танки и автоматчиков, — преступник. Не совсем понятно, отвечает ли солдат, но что каждый командир отвечает — это несомненно. И чем выше, тем суровее должна быть ответственность.

...Но что такое? Такие же, повторяю, танки вблизи Белого дома внутри баррикадного кольца, такие же солдатики, бедные дети времен застоя — детей у нас давно уже плохо кормят, а солдат еще хуже, и так же они хмуро отвечают на вопросы, и такие же автоматы у них в руках, а вот пойдешь ты — наши.

Мы отдали яблоки и помидоры большому парню с повязкой «Россия» на голове, он очень обрадовался и спросил: «А хлеба нет?»

Моссовет и Московская мэрия мо-

гли бы позаботиться о хлебе для тех, кто их защищает.

Я спросил, в каком смысле эти танки «наши» — они что, без приказа здесь? Сами танкисты перешли на нашу сторону?

— Сейчас на всю Россию действует один приказ, ельцинский. И совесть. Солдаты здесь по совести, — объяснил мне парень с повязкой на лбу.

В этот момент человек с мегафоном объявил с танка:

— К нам явились офицеры — пугать солдат, перешедших на нашу сторону. Их нельзя подпускать к солдатам, но и не трогать их! Никаких провокаций!

Немолодой полковник бронетанковых войск, в очках, интеллигентного вида, ждал своей участи. Его могли разорвать на части. Человек с мегафоном уговорил толпу выстроить коридор и выпустить полковника невредимым. Полковник не уходил. За несчастного этого полковника расплатились бы жиз-

нями тысячи людей. Но провокации не получилось, полковника вывели, все успокоилось, и мы пошли вокруг здания. Было около часу ночи. Тысячи людей окружали российский парламент. Баррикады конца двадцатого века выглядели, наверное, как и в начале его, в пятом году: бревна, доски, кроватные сетки, арматура. Куча битых кирпичей. Кирпич — оружие демократии? Молодые прекрасные люди вокруг. Многие деловито спят, уткнув головы в колени, — до первой опасности. Много пятидесятилетних седых и седоватых людей.

Наша сторона!

Мне рассказывали, что накануне «дня X» в кремлевской больнице был неслыханный наплыв больных. Говорят, даже в коридорах клали. Лишь бы в день переворота, о котором, видимо, заранее знали многие, быть в стороне, заполучить больничный лист.

Боятся.

Я теперь знаю, кто наши — те, кто не боится чекистов (от ГКЧП).

Симон Соловейчик

Реакция Запада на реакцию в СССР

Первыми на сообщение из Москвы отреагировали местные биржевики, сообщает собкор в Токио. Стоимость акций и курс иены по отношению к доллару немедленно резко упали, зато неумолимо поползла вверх цена на золото, как это бывает при любом кризисе глобального масштаба.

Позже собралось чрезвычайное совещание Совета национальной безопасности Японии во главе с премьер-министром Т.Кайфу, который заявил журналистам: «Мы выражаем надежду, что проводившийся президентом Горбачевым перестройка и так называемая дипломатия нового мышления смогут продолжиться как и прежде». В японском правительстве действует круглосуточный штаб по сбору и анализу поступающей из СССР информации.

В МИД Японии считают: фактическое устранение Горбачева может иметь серьезные последствия для международного мира и стабильности в период, когда в мире утверждается новый международный порядок. Новые власти расцениваются как сторонники старых порядков. Отсутствие в чрезвычайном комитете министра иностранных дел Бессмертных может указывать на опасность перемен в советской внешней политике, в частности в отношении Японии, и помешать

ускорению подписания советско-японского мирного договора.

Т.Кайфу имел 15-минутный разговор с Дж.Бушем. Оба лидера согласились, что перемена власти в Союзе не имеет конституционной основы, и выразили твердую надежду на продолжение перестройки.

Невозможно представить, что Ельцин, Шеварднадзе, Яковлев, Афанасьев, Попов, Собчак и другие реформисты будут сидеть сложа руки и смирятся с переворотом, сказал в беседе с нашим корреспондентом один из крупнейших японских советологов, профессор университета Хоккайдо Хироси Кимура. Поэтому можно ожидать сопротивления в виде стачек, демонстраций, всеобщей забастовки, саботажа (итальянской забастовки). Я, к сожалению, предвижу довольно мрачную перспективу для СССР. До сих пор Горбачев, находясь в центре, служил амортизатором между консерваторами и реформистами. Теперь этот буфер выбит, и обе силы столкнутся лоб в лоб.

Японские бизнесмены вряд ли станут заключать сделки с СССР, если он окажется вовлеченным в волнения и хаос.

Если попытаться охарактеризовать несколькими словами общее настроение в Великобритании, то, пожалуй, это удивление и тревога, передает наш сборник в Лондоне.

Даунинг-стрит, называя сообщение из СССР «свалившимся с чистого неба», характеризует его как «очень беспокоящее». Замещающая на время отпуска министра иностранных дел Великобритании Дугласа Хэрда Линда Чалкер назвала информацию из Москвы «очень серьезной и угрожающей». Сам Хэрд оценил ее как «тревожную» и отметил, что необходимо время, чтобы оценить происходящее.

Неспокойно и в лагере оппозиционных партий. Лидер лейбористов Нил Киннок, также находящийся в отпуске, назвал происходящее в СССР «событиями, вызывающими большую озабоченность». Он отметил, что «Западу необходимо время для оценки развития событий», однако «перспективы выглядят мрачными».

Лидер либеральных демократов, предупредив против скоропалительных выводов, тем не менее заключил, что «СССР может стать большой Югославией» и что «Европе следует подумать о коллективных действиях». По его словам, «окончание «холодной войны» поставлено под вопрос».

Едва ли кто в западных странах ожидал развития ситуации в СССР в такой форме, сказал в беседе с нашим сборником в Бонне эксперт по проблемам Советского Союза Фонда имени Фридриха Эберта Вульф Лапинс. Но Горбачев слыш-

ком долго играл с понятием «перестройка». Он не подразумевал под этим смены системы. На Западе же под словом «перестройка» понимали как раз то, что в Советском Союзе новая система придет на место прежней. То, что произошло, свидетельствует: в СССР не было настоящей демократии, настоящих демократов, гражданского общества, которое невозможно без рыночной экономики. Теперь к власти пришли люди, которые потеряли бы всё окончательно в результате смены системы — после вступления в силу указа Ельцина о департизации и предстоящего подписания нового Союзного договора.

Еще одна ошибка Запада — он переоценил возможности Горбачева выходить всегда сухим из воды после сложнейших коллизий. Наконец, Запад, по мнению эксперта, слишком сконцентрировался на внешнеполитических шагах Горбачева, не уделяя такого же внимания внутренней политике. Отсюда и западная недооценка предупреждений Шеварднадзе, Яковлева. Об опасности того, что произошло, говорил и Сахаров — за несколько дней до своей кончины. Январские события в Литве показали: Запад удовлетворился заявлением Горбачева через несколько дней после вильнюсской крови. Но надо было гораздо четче и энергичнее дать понять: то, что произошло в Балтии, — не внутреннее дело Советского Союза, это касается всей Европы.

Видимо, путчисты рассчитывают на то, что реакция Запада теперь окажется примерно такой же, как и на события в Китае два года назад. Очень цинично, но, увы: важно, чтобы экономические сделки приносили прибыль, а режим не столь уж важен.

Кровопротитие, теперь запрограммировано, это ясно. Видимо, новые власти не остановятся перед применением силы, чтобы подавить выступления народа. В этой ситуации, продолжал Лапинс, я все-таки надеюсь на всеобщую забастовку. Она приведет к резкой поляризации в обществе, покажет, кто на чьей стороне. Важно также, как поведет себя армия, в которой тоже существуют различные точки зрения: многие военные придерживаются позиции Руцкого. Что касается внешнеполитического курса, я думаю, новое руководство попытается сохранить прежнюю линию... Не могу пока точно оценить, на что рассчитывают новые люди в Москве: у них нет концепции, как вытаскивать страну из болота. Советскому Союзу не обойтись без западной помощи.

В. Овсянников (Токио),
С. Бабусенко (Лондон),
Д. Погоржельский (Бонн)

Герой «Кукушкина гнезда» в блестящем исполнении Джека Николсона, жертвовавший головой, чтобы вызволить своих братьев по несчастью из сумасшедшего дома, в момент очередного поражения в сердцах говорит: «Я по крайней мере пытался...» Бывший руководитель Агитпропа при Брежневе и Суллове, бывший ссыльный посол в Канаде, бывший член Политбюро и секретарь ЦК по идеологии в начале перестройки, бывший член Президентского совета, бывший старший советник президента, а теперь уже и бывший член КПСС А.Н.Яковлев может сказать то же самое: «Я по крайней мере пытался...»

Конфликт ЦК КПСС с Яковлевым был бы трагичен, если бы не был просто смешон. Последовательность и упорство, с которыми наша праведная партия изгоняла из себя, аки дьявола, одного из немногих людей, обладающих умом, совестью и честью, безусловно, говорят об этой партии больше, чем все заклинания ее штатных мудрецов и все пять письменных вариантов ее новой программы, с помощью которой она пыталась послать сигнал стране и миру: мы меняемся. Нет, не меняется, все перемены внешние, вымученные, натужные. Все они даны времени, в угоду реформаторскому начальству, которое как начальство заслуживало коленапреклоненного послушания, а как реформаторы — четвертования.

Чем же А.Н.Яковлев так не угодил своим оппонентам?

Я написал эту фразу и невольно остановился. Какие оппоненты? Это слово из другого словаря, из иной жизни. Оппоненты — предполагает право на позицию, условия для нормальной дискуссии, верховенство истины или хотя бы присутствие логики. Кто помнит, когда это было в нашей родной коммунистической партии, да и было ли когда-нибудь?! Вместо доводов доносы и разносы, в роли высшей истины — решение Инстанции.

Яковлеву ставили в вину позорный советско-германский пакт 1939 года, будто это он его заключил, секретные протоколы, в которых два имперских хищника, одним из которых, увы, была наша страна, рвали и делили европейское пространство. Яковлев действительно доказал, что то, что известно всему миру, должно быть наконец признано и нами. И за это имперские патриоты возненавидели его больше, чем Молотова и Риббентропа, вместе взятых.

После этой «фатальной ошибки» «мы потеряли Прибалтику», утверждают агрессивные правые от

Гласность как преступление

Упорство, с которым наша праведная партия изгоняла из себя, аки дьявола, одного из немногих людей, обладающих умом, совестью и честью, безусловно, говорит об этой партии больше, чем заклинания ее штатных мудрецов

Александр Пумпянский

Алксниса до Ахромеева, если ограничиться только буквой «А». Как будто бы если бы в Москве до сих пор продолжали твердить, что ни о каких протоколах, кроме «Протоколов Сионских мудрецов», и ведать не ведают, благодарная Прибалтика была бы «нашей».

Случай показательный. Для наших исторических материалистов важны не факты, а то, что написано о них в резолюциях и кратких курсах. «Слово партии» выше реальности. Политику великого государства можно строить исключительно на словах, отвергая любую негодную реальность как несущественную и несуществующую.

Тем не менее Пакт и Прибалтика — лишь частный случай. Главное преступление Яковлева — политика Гласности. До Гласности у нас была одна партия, твердая власть и «Правда», только «Правда», ничего, кроме «Правды». А посмотрите, что сейчас...

Я склонен согласиться с этим обвинением. Политический плюрализм, многопартийность, начинающееся гражданское общество порождены гласностью. И всего-то шесть лет прошло, как людям позволили говорить и, следовательно, думать, и писать, что думают, и равным счетом ничего не осталось от прежней жизни. Как тут не заклеить «архитектора и развалин», не засыпать его обломками социализма, не закидать краугольными камнями.

Инициаторы перестройки проявили поразительное легкомыслие: начиная перестройку, они не имели законченного плана... Перестройка замышлялась для улучшения социализма, а в итоге от крепостных стен социализма не осталось и камня на камне... Так звучат главные обвинения. Интересно, как это удалось за одну пятилетку разрушить то, что строилось семь десятилетий?

Безусловно, подрывной элемент №1 — «новое мышление». Ключе-

вое слово здесь — мышление. А новое оно лишь для нас, а не для всего мира, ибо именно наше общество отучили мыслить — считалось, что наши вожди — мертвые и живые — давно все промыслили за нас... Впрочем, Яковлев то же самое выразил еще яснее и проще. Перестройка — это возвращение здравого смысла. И еще реабилитация нравственности — первой жертвы партийных чисток и государственных репрессий. Ну а уж отсюда оставался лишь один шаг до признания приоритета общечеловеческих ценностей над «классовыми».

Здравый смысл, нравственность, приоритет человеческих и общечеловеческих ценностей... Так просто. Шесть лет назад, однако, эти простые и такие очевидные истины были табу. И поделом. Стоило их выпустить на волю, и устои системы рухнули. Ибо система держалась исключительно на глубокой заморозке лжи, произвола и насилия.

Вот этого преступления и не могут простить Яковлеву.

Если бы А.Н. был ночной тать, насильник, убивец, максимум что бы ему грозило, учитывая его седины и фронтовые раны, — это срок. А так ему нет пощады. Один браво вояка, сделавший головокружительную военную карьеру в мирное время, посягнув даже на его фронтовую юность — и не попытался потом застрелиться от бесчестия... Крестьянского сына из Ярославщины, чуть оказавшего, несмотря на стажировку в Колумбийском университете, можно объявить евреем. В приличном обществе даже не поймут, в чем тут дело, но для тайного трибунала, приговорившего Яковлева к сплетне, — это высшая мера наказания, выше некуда...

Вот это всемогущество! Все у нас принадлежит партии, если не КПСС, то партии ура-патриотов — не только будущее страны, но и прошлое людей, их фамилии и даже состав крови давно упокоившихся родителей.

Десятилетия всевластия сослужили не лучшую службу КПСС, она утратила всякую способность видеть себя со стороны, действовать разумно, остались одни инстинкты да реакция. Кажется, она даже не осознает, что потеряла, расставаясь с Яковлевым, а до того с Рудцом, Шеварднадзе, Ельциным, Поповым, Собчаком и еще с четырьмя миллионами своих членов.

А, впрочем, может быть, это мы чего-то недопонимаем? А что если это партия начала таким образом процесс денартизации общества? И начала, естественно, с себя...

Ниточка-иглочка по лоскутам...

Год самой высокой в истории активности США на Ближнем Востоке начался с войны. Но может закончиться миром. Любимые враги — арабы и израильтяне — готовятся к мирной конференции

Независимо от результатов намечающейся на октябрь мирной региональной конференции по Ближнему Востоку, для Соединенных Штатов 1991-й войдет в историю как год наивысшей активности в этом хронически неспокойном регионе. Как бы ни кляли «патриоты» всех мастей «империализм» США, но энергичные действия американцев по защите Кувейта, вполне вероятно, спасли человечество от массовой гибели. Можно, конечно, благодарить и иракского лидера: если бы не его непродуманная акция, мир до поры до времени и не подозревал бы, что Ирак готовил широкомасштабную ядерную агрессию, после которой остались бы одни воспоминания об Израиле и Палестине, а затем об Ираке и многих других странах региона. Верна русская пословица: нет худа без добра.

А теперь, как и было обещано в ходе последней войны, на первый план вышла проблема мирного урегулирования. Согласно американскому плану, поддержанному Советским Союзом, вопрос должен решаться двумя этапами: примирение Израиля с арабскими соседями, а затем решение палестинской проблемы. Одно слово я умышленно упустил в последней фразе: «справедливое». Но об этом чуть попозже.

Госсекретарь США Джеймс Бейкер совершил шесть турне на Ближний Восток в поисках компромисса между прежде всего Сирией и Израилем. Сирия, часть территории которой оккупирована израильтянами (там проживают теперь 11 тысяч евреев), заняла более конструктивную позицию, чем Тель-Авив. Президент Хафез Асад назвал предложение президента Джорджа Буша «надежной основой мирного урегулирования». Всякая антимпериалистическая риторика опущена.

Другое дело — Израиль. Он

уперся на таких оговорках, которые могут сорвать решение второй части американского плана — палестинской: никакого участия Организации освобождения Палестины, никакого участия представителей арабской части Иерусалима (Восточной), мол, Иерусалим — неделимая столица Израиля. Кроме того, премьер-министр Израиля Ицхак Шамир отверг принцип «мир в обмен на территории». На этом пока и успокоились.

В своем стремлении увязать концы с концами американский госсекретарь допустил оплошность, дав противоречивые обещания обеим сторонам конфликта. Получилось так, что 7 августа после встреч с Бейкером министр иностранных дел Израиля Давид Леви в Иерусалиме, а министр иностранных дел Египта Амр Муса в Каире сделали два противоположных по смыслу заявления о формировании палестинской делегации. Оба сослались при этом на «договоренность с Бейкером». Но не будем слишком строго судить госсекретаря, учитывая его благие намерения и условия изнуряющего политического марафона.

Арабские соседи

В намеченной мирной конференции на уровне министров иностранных дел предполагается участие представителей Европейского сообщества, представителя ООН, палестинской делегации, Израиля и его арабских соседей, СССР и США.

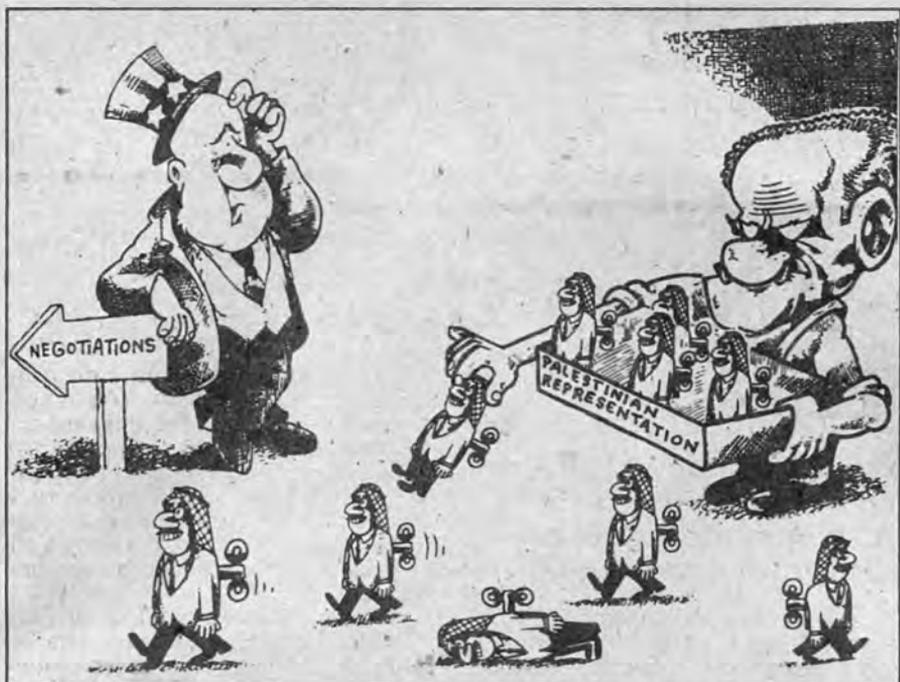
Относительно такого арабского соседа Израиля, как Египет, дело обстоит просто: он уже давно поддерживает дипломатические отношения с Израилем, вполне мирно с ним уживается. Иордания, немного подпортившая свою репутацию поддержкой агрессии Саддама Хусей-

на, вновь заняла благоразумную позицию и готова участвовать в конференции в смешанной иордано-палестинской делегации. Сирия тоже согласна вести с Израилем переговоры, которые могут привести к еще одному «кэмп-дэвиду» — возвращению ей Голанских высот в обмен на мирный договор и дипотношения.

Любопытна позиция Ливана, с которым Израиль соседствует на севере и у которого он отхватил «зону безопасности» на юге страны. Казалось бы, вопрос об оккупированном юге ливанцы должны были бы непременно включить в повестку дня. Вместо этого руководители республики заявили, что это их «внутреннее дело».

Мне кажется, дело тут в том, что Бейрут убежден: если в стране будет налажен порядок и внутренний мир, если удастся утихомирить неливанские группировки, которые ведут партизанскую войну против Израиля на юге страны, Тель-Авив легко согласится на «третий кэмп-дэвид» и отдаст обратно «зону безопасности».

А пока, несмотря на то что 16-летняя гражданская война закончилась, в Ливане по-прежнему неспокойно, по-прежнему там хозяйничают экстремистские группировки всех мастей — именем ислама или именем революции. Столицу тщательно похитывают отряды сил безопасности и сирийские солдаты в поисках исчезнувших людей и заложников этих группировок. Сегодня из Ливана поступает больше сенсаций, чем из любой другой страны Арабского Востока, в связи с проблемой заложников. Ключи от этой проблемы в основном сосредоточены, как ни странно, в руках Израиля. В тюрьмах самого Израиля немало палестинцев, и на оккупированном юге Ливана около 400 палестинцев и ливанцев находятся в заключении по обвинению в терроризме и агрессивных акциях. В 1989 году израильтяне предусмотрительно похитили из Ливана даже одного из руководителей террористической проиранской группировки «Хезболлах» Керима Обейда — теперь он стал хорошей козырной картой, ценным «товаром» для обмена. С просьбой отпустить этого

Так по мнению Организации освобождения Палестины выглядит палестинская делегация на предстоящей конференции

Карикатура из журнала «Демократик Палестайн» (ООП)

деятели в обмен на освобождение европейских заложников к Израилу обратилась Великобритания. С аналогичным пожеланием выступил и президент Буш. Однако Израиль хочет прежде удостовериться, что семь его военных, пропавших без вести в Ливане в 80-х годах, живы. После этого возможен обмен и проблема заложников в ее нынешнем виде будет снята. Окончательно ее удастся снять, видимо, тогда, когда в Ливане укрепится государственность и с террористическими группировками будет покончено.

Кто представит палестинцев?

Лидер ООП Ясир Арафат назвал план созыва мирной конференции Бейкера «американо-израильским заговором», который нацелен на «узурпацию палестинских прав». Он поставил под сомнение законность созыва такой конференции, поскольку всегда речь шла о международной, а не об узорегиональной встрече. Палестинский лидер подчеркивает, что ООП остается единственным законным представителем арабского народа Палестины, реальной силой, представляющей миллионы палестинцев и десятки миллионов сочувствующих арабов.

Тем не менее арабские соседи Израиля готовы участвовать в конференции даже без присутствия ООП. ООП оказалась в очень трудном положении из-за своих симпатий к Саддаму Хусейну в ходе нападения на Кувейт. Даже

Иордания, похоже, отвернулась от нее, хотя сама симпатизировала иракскому лидеру. Иорданцы согласились составить палестинскую делегацию без участия ООП. В Ливане базы ООП были разоружены и поставлены под контроль правительства страны, причем не обошлось без кровопролития.

Тем не менее по мнению египетского президента Хосни Мубарака, «никто из палестинцев не начнет переговоры с Израилем без разрешения ООП». А такого разрешения нет. Так кто же представит палестинцев на конференции в Вашингтоне? Наиболее авторитетной фигурой стал палестинский деятель Фейсал аль-Хусейни, проживающий в Восточном Иерусалиме. ООП всегда относилась к нему с уважением, несмотря на то что, как считает аль-Хусейни, Иерусалим не должен быть нераздельной арабской столицей, но иметь статус столицы Израиля и Палестины одновременно. То, что Шамир отверг участие кого бы то ни было из палестинцев Восточного Иерусалима, видимо, можно будет обойти, так как Ф. аль-Хусейни недавно купил себе виллу на оккупированном Западном берегу реки Иордан. И все-таки говорить о закате ООП рано: ее авторитет среди рядовых арабских масс остается огромным, и неучастие ее представителей в конференции попросту может означать снятие с повестки дня вопроса об урегулировании палестинской проблемы, если не произойдет какого-либо чуда. Таким чудом мог бы стать объективный референдум на окку-

пированных территориях об отношении к ООП — видят ли большинство палестинцев на местах в ней своего лидера.

А как же мы?

Подходить к роли Москвы в нынешней ситуации можно двояко. Либо: «Нашу Родину постигло большое горе — американцы нас оттеснили на Ближнем Востоке». Либо: «Слава Богу, удалось сдвинуть с мертвой точки проблему, там наконец забрезжили перспективы мира». Второй вариант мне лично ближе, как, видимо, любому нормальному советскому человеку, больше думающему о том, как свести концы с концами, нежели об интересах «пролетарского интернационализма». Мне кажется, куда важнее вопрос, как бы нам получить обратно миллиарды рублей, предоставленные в свое время Ираку, Сирии главным образом нашим военным ведомством. И еще — как бы удержать это ведомство впредь от подобного метода укрепления дружбы.

Меня могут обвинить в обывательском подходе к серьезным политическим проблемам. Увы, его не избежать, даже если посмотреть на дело с колокольни МИД СССР. Наша внешняя политика, слава Богу, избавилась от абстракций и благотворительных жестов. Сейчас, когда те самые «развивающиеся» арабские страны, которым мы усиленно помогали, живут куда лучше нас, пришло время прагматиков: а что мы с этого будем иметь? Выгодно дружить с США и европейскими странами, поскольку они от нас помощи не требуют, а сами стараются нам помочь. В то же время и с арабскими друзьями мы отнюдь не поссорились и вовсе не изгнаны с Ближнего Востока американцами. Министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных участвовал вместе с Бейкером в подготовке ближневосточной конференции, а в решении палестинской проблемы Советскому Союзу еще предстоит сказать свое веское слово.

Другой вопрос, что с палестинской проблемой на предстоящей конференции дело явно не клеится. Но лиха беда начало. Пусть участники хотя бы выяснят свои позиции, побудительные причины действий противоположной стороны и выбор, стоящий перед ними. Думаю, не надо забывать, что в конечном итоге палестинская проблема остается главной и без ее решения мира на Ближнем Востоке не видать.

Дмитрий Згерский

Технотронные революционеры

Евгений Русаков,
соб. корр. «Нового времени»

Для улиц Манхэттена привычным стал человек в деловом костюме, разговаривающий на ходу по телефону с крохотной, меньше карандаша, антенной. Эта обычная по размерам телефонная трубка воплощает в себе преобразование Америки не в меньшей, если не в большей, степени, чем новые исполины-небоскребы.

Современный «умный» телефон не только связывает делового человека через спутник с Лос-Анджелесом или Лондоном, но и чуть ли не запоминает и сам набирает номера других телефонов и проделывает другие операции. Впрочем, и небоскреб теперь пошел не тот старомодный, а тоже «головастый»: в нем компьютеры и мониторы поддерживают температуру на каждом этаже, охраняют дом, определяют, где находится лифт и кто вошел в квартиру или офис, представляют последние биржевые данные и календарь спортивных и культурных мероприятий в городе.

Чтобы получить деньги или положить их на счет в банке, теперь не нужно идти туда — почти на каждом углу стоят «машины наличных». Достаточно вложить банковскую карточку, сообщить известный только двоим — клиенту и компьютеру — код из пяти букв или цифр и дать несколько команд прикосновением к крохотному экрану машины.

Мир, построенный на песке

Как это часто было в истории человечества, два крупнейших события, приведшие к перевороту в жизни общества, прошли в свое время незамеченными или почти незамеченными публикой и прессой. Если сейчас газеты, особенно такие, как «Уолл-стрит джорнэл», и даже телеэкран буквально наводнены новостями из компьютерного мира, то создание в 1971 году американской компанией «Интел» большой интегральной схемы не породило бурного всплеска эмоций.

А крохотный кремниевый кристаллик, вместивший в себе тысячи электронных схем — «мозг» компьютера, — заложил фундамент четвертого поколения ЭВМ и произвел настоящий переворот в отношениях между человеком и компьютером. Миниатюрный дешевый микропроцессор — кристаллик — проник в 80-е годы везде — в телефон, в утюг, в часы, в термостат, в микроволновую печьку, в копирующую и стиральную машины. Он заменил в автомобиле карбюратор, стал по методу кры-

В информационном обществе стратегическим ресурсом становится человеческий мозг

латой ракеты водить по городу машину, уменьшать выхлопные газы и даже «воспитывать» водителя, отказываясь завести мотор, если тот нарушил одну из первых заповедей автомобильного века «не пей за рулем». Компания «Адиас» выпустила в продажу кроссовки, в которых крохотный электронный «мозг» фиксирует скорость бегуна, преодоленное им расстояние и даже количество истраченных при этом калорий.

Совсем никакого интереса не вызвало первоначально изобретение двух юнцов с одинаковым именем Стив. Это было идеальное содружество технологии и бизнеса. Один из Стивов — Возняк (или на американский лад — Возниак) был талантливейшим технарем, который интуитивно угадал великий потенциал микропроцессора и для собственной забавы смастерил в гараже простой в обращении маленький компьютер. Другой Стив — Джобс — не был столь уж силен в компьютерах, но имел божью искру предпринимателя. Он сделал все возможное, начиная от выбива-

ния займов и кончая доводкой товара до удобной и привлекательной для потребителя кондиции. Многие из его догадок стали альфой и омегой персональных компьютеров: к примеру, он предложил заменить традиционное для корпусов и клавиатуры железо на легкий симпатичный пластик.

Так в 1977 году появился первый рыночный вариант персонального компьютера, который Джобс назвал в память о работе на каникулах в яблоневых садах «Эппл-2», то есть «Яблоко-2». Фурора он поначалу не произвел, но уже в 1981 году сама ИБМ выпустила свой первый «Писси» — персональный компьютер, а вскоре печать и телевидение были заполнены восторженными откликами на микрокомпьютерную революцию.

люцию. На обложках ведущих журналов замелькали лица двух Стивов, а «Тайм» вместо традиционного человека года назвал «персоналку» машиной года.

Наконец-то компьютер пришел прямо в дом, в класс, в магазин, на рабочее место. Конечно, первые поколения ЭВМ проникли во многие сферы жизни общества (даже у нас Совмин издал грозное постановление о внедрении АСУ еще в 1971 году), но сплошная компьютеризация началась лишь с широким распространением микропроцессоров и персональных компьютеров в 80-х годах.

Во время моей прошлой командировки в Америку компьютеры в быту еще были громоздки и редки, как телевизоры у нас в начале 50-х, только-только на рынок были выброшены первые видеопроектиру-

тели (сейчас, спустя двенадцать лет, их имеют две трети американцев). До появления «Яблока-2» в стране было всего полмиллиона компьютеров, а теперь более 50 миллионов одних «персоналок». У них в плену и стар, и млад (буквально с трех-четырёх лет). С их помощью ведут семейные финансы, оплачивают счета, заказывают прямо из дому продукты или билеты в театр и на самолет, следят за курсом акций на бирже и покупают или продают их через брокера, пишут и печатают (по собственному опыту могу подтвердить, насколько это удобнее и эффективнее), сочиняют романы и даже музыку.

ЭВМ учат пилотов и школьников. Вот в одной из школ в штате Нью-Джерси четырнадцатилетняя девчонка с длинными каштановыми волосами осваивает программу, показывающую работу ядерного реактора. Нажимая на клавиши, она регулирует параметры ядерного топлива и объясняет:

«Нужно макси-

обойтись никто — ни машинистка, ни президент компании. Несколько миллионов человек покинули конторы и стали «надомниками», выполняя работу для своих компаний по компьютеру. В начале 80-х годов началась компьютеризация чиновничьего Вашингтона.

Хотя первый «железный человек» на заводе крупнейшей автомобильной компании «Дженерал моторс» появился еще в 1961 году, практически до 80-х островки автоматизации так и оставались островками, окруженными морем работы, требующей человеческого рук. Только с появлением компьютеров четвертого-пятого поколений роботы и все механические участники производства настолько «поумнели», что фабрики будущего стали явью. На такой фабрике в единую цепь связано все, начиная от планирования, финансовых просчетов, проектирования товара и его дизайна и кончая доставкой его покупателю. ЭВМ руководят роботами, изготавливающими детали, собирающими и упаковывающими здоровенные автомашины и крохотные платы. «Дженерал моторс» вложила и продолжает вкладывать десятки миллионов долларов в эти новые гибкие технологии, которые здесь называли комплексным автоматизированным производством (КАП). Это производство мгновенно перестраивается в соответствии с запросами потребителей и экономической ситуацией. Оно резко уменьшает издержки производства, накладные расходы и неизбежные потери времени, качества и так далее.

С начала прошлой декады американские компании, обеспокоенные наступлением конкурентов, особенно японцев, начали инвестировать громадные деньги в «хай-тек» — высокую технологию. В 70-е годы мне довелось быть на сталелитейных заводах и прямо скажем: они по своей дотошности не слишком далеко тогда ушли вперед от наших родных домен и мартенов. Сейчас «индустрия дымных труб» отходит в прошлое: и сталь, и автомашины производятся по-современному — дешевле, качественнее, под неусыпным оком компьютеров.

Структурная перестройка промышленности на основе наукоемких производств, новых технологий приобрела взрывоподобный, лавинообразный характер, когда резкий сдвиг в одних сферах с нарастающей быстротой и результативностью распространяется на другие. Технологическая и экономическая «революция» как бы слилась воедино. Сдерживание инфляции, поощрение предпринимательства и налоговые льготы развязали руки бизнесу. В свою очередь, перестройка помогла преодолеть одну из глубинных причин инфляции — падение темпов

мально увеличить мощность реактора, избежав его разрушения». Вдруг на мониторе появились тревожные красные цифры. Школьница их расшифровывает: «Реактор перегружен, падает мощность. Повреждения в активной зоне. Реактор расплавился»... Девчонка с каштановыми волосами сознательно создала аварийную ситуацию, но это не симуляция Чернобыля, как может показаться на первый взгляд. «Картинка с выставки» компьютерного обучения описана журналом «Тайм» в мае... 1982 года. Может, если бы наших самоуверенных ослов из института, затеявшего эксперимент, и из руководства Чернобыльской АЭС тоже учили в компьютерных классах, не произошла бы катастрофа вселенского масштаба.

ЭВМ преобразили банки и корпорации. Без них теперь не может

роста производительности труда.

Локомотивом, двигающим экономику вперед, все эти годы остается производство компьютеров и всего, что с ними связано. Были, конечно, и здесь спады, да и сейчас «Эппл» и другие компании этой отрасли вынуждены увольнять рабочих, но это не перечеркивает феноменальные темпы их роста.

Вот так песок преобразил лик Америки и всего Запада. Ведь кремний — это песок. Правда, чтобы сделать из него «сверхумные» кристаллы, нужны еще голова и руки...

Грядет «третья информационная»?

О наступлении новой технологической революции говорят уже не меньше двух десятков лет: достаточно вспомнить изданную еще в 1970 году книгу Збигнева Бжезинского об «эре электроники». Но то были лишь прогнозы, догадки и предвосхищения. Только с начала 80-х очертания новой эры в истории человечества стали зримыми, только сейчас появились признаки того, что она может произвести столь же кардинальный переворот в жизни человека, как сельскохозяйственная и промышленная революции. Первая, неолитическая революция, начавшаяся около десяти тысяч лет назад с перехода от собирательства и охоты к возделыванию сельскохозяйственных культур и приручению домашних животных, привела к возникновению цивилизации — сложного человеческого общества, государства, письменности, искусства и философии. Вторая же не только создала машинную цивилизацию, конвейер, средства массовой коммуникации и массового уничтожения, но и, пройдя через агонию тоталитаризма, привела к торжеству демократии и регулируемой рыночной экономики.

То, чем были зерно, плуг и домашние животные для первой революции, сталь, нефть и машины — для второй, для третьей становится информация. И ее определение — информационная революция — видимо, самое верное, хотя время еще

расставит все по своим местам, определив, что понимать под информацией в широком смысле этого понятия и кого включать в информационный сектор.

По мнению здешних социологов, в Америке сейчас сбором, хранением, переработкой и использованием информации занято около двух третей работающих людей, то есть в три раза больше, чем «синих воротничков». Правда, при этом в их число включаются и банковские служащие, и инженеры, и ученые, и учителя, и журналисты, и секретарши, и даже госслужащие.

Но как многообразно, обширно, даже всеобъемлюще проникновение информационных технологий в самые различные сферы! Что, казалось бы, общего, кроме классического для драмы триединства места, времени и действия, между тележурналистом, ведущим прямой репортаж о воздушных налетах на Багдад, и взрывающимися на его глазах ракетами? Их объединяют информационные технологии — микропроцессоры, телеэкраны, космос, через который поддерживает связь репортер и с которого снимаются наводные на цель карты для «умных» ракет.

Информационное общество, похоже, сможет объединить все новые технологии — от компьютеров, оптоволоконной связи и космических кораблей до биотехнологии, лазеров и композитных материалов. Одни уже породнены навеки, у других наметилося взаимное влечение.

Прочен союз связи и компьютеров, которые сделали ее «умной». А она, в свою очередь, объединила их в местные и даже глобальные сети. По компьютерным коммуникациям люди двигают невиданные ранее огромные массы акций на своих и зарубежных биржах, устраивают дискуссии о ядерной политике и местном самоуправлении и даже пытаются... соблазнить фантазиями на тему секса («Мы танцуем в гостиной. Я начинаю рассте-

гивать вашу блузку...»).

Экономика и жизнь общества становятся глобальными и в то же время намечается переход от массовости к индивидуализации, от довлеющего централизма — к гибкой децентрализации. Те наши идеологи, которые четко видят интегрирующий опыт Запада и не замечают всего остального, уподобляются слепцам, осязающим хобот слона и свято верящим, что это веревка или дерево.

«В информационном обществе стратегическим ресурсом становятся человеческий мозг, разум, информация, — считает американский футуролог Джон Найсбитт. — А когда главным стратегическим ресурсом вместо капитала делаются информация и ум, намного облегчается доступ к экономической системе. Вот почему происходит

фантастическая предпринимательская революция и создается небывало много новых компаний».

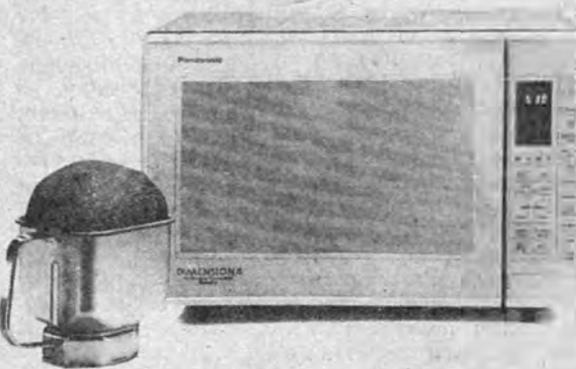
Что сулит нам информационная революция?

С одной стороны, картина, как и везде, безрадостна. Персональных компьютеров у нас почти в сто раз меньше, чем у американцев. Компьютерная безграмотность общества вопиюща. Получается, что «самое передовое в мире» общество вновь отстало на целую эпоху.

С другой стороны, мозгов у нас куда больше, чем капиталов в твердой валюте. И если действительно, как считают некоторые американские социологи, можно проскочить в новый мир, минуя дальнейшее увеличение производства стали на допотопных мартенах, то не все потеряно для наших детей и внуков. Правда, для того, чтобы состоялось наше преобразование, осталась самая «малость» — сначала выжить...

Нелегкий путь преобразования прошла Америка, и впереди нет полных гарантий «светлого пути». На ныне главном поле битвы на пятки наступают Япония и объединяющаяся Европа, но постоянная готовность отвечать на самые большие вызовы времени — а она у американцев есть — это нормальное состояние общества. Иначе застой...

НЬЮ-ЙОРК

И курица птица, и Болгария заграница

Болгары плакали, когда умер царь Борис, и плакали, когда умер Георгий Димитров, сказал один из моих софийских собеседников.

Те, кто недавно совершенно искренне кричал: «С Советским Союзом на вечные времена!», с тем же воодушевлением повторяет: «Да здравствуют Соединенные Штаты!»

Антисоветские, антирусские настроения в Болгарии? Это казалось невозможным. Но об этом говорят и пишут. Источником антисоветизма называют болгарскую оппозицию.

Аллергия на социализм

— Я участвую в политической жизни с 1929 года, — сказал мне депутат парламента и лидер социал-демократической партии Петр Дерглиев. Мы встретились с ним в здании парламента, прямо перед которым стоит памятник Александру II, русскому царю, который помог болгарам освободиться от оттоманского ига. Памятник, поставленный в самом центре Софии, чудесным образом пережил и коммунистическое правление.

— Первый раз я сидел в тюрьме еще при царе Борисе, — рассказывал Петр Дерглиев. — Советские войска прогнали немцев, и образовалась коалиция: коммунисты, социал-демократы и земледельческий союз. Но когда коммунисты начали прибирать всю страну к рукам с помощью насилия, мы оказались в оппозиции. В 1946 году я был секретарем союза социал-демократической молодежи, меня отправили в лагерь. В 1948 году руководство нашей партии было арестовано. Один из секретарей партии умер под пытками. Лидера нашей партии задушили в тюрьме. Многие социал-демократы умерли в лагерях. Я вышел на свободу в 1957 году.

Пока Петр Дерглиев рассказывал свою историю, я думал, что бессмысленно спрашивать его об отношении к Советскому Союзу. Компартия Георгия Димитрова, выполнявшая сталинскую программу преобразования Болгарии, сломала ему жизнь. Но политик Дерглиев был выше личных обид:

— Болгары и русские — извечные соседи, и этим сказано все. Просто сейчас болезненный момент — Болгария избавляется от остатков сталинизма, от неприятных воспоминаний, связанных с коммунистическим правлением. В какой-то степени и наша партия — жертва этих настроений. Хотя к нам приходит молодежь, но многих людей отталкивают сами слова

«социалист», «социальный». Социал-демократическая партия вовсе не виновата в том, что происходило с Болгарией в последние четыре с половиной десятилетия, но аллергия на социализм становится всеобщей.

Советский Союз поступал неосмотрительно: он выбирал себе друзей только среди коммунистов, отталкивая всех остальных. Теперь коммунистов считают виновными во всех несчастьях, постигших Болгарию, и соответственно переносят эти чувства на Москву. Хотя сейчас трудно определить, что в Болгарии делалось по указанию Сталина и его наместников, а что было местной самостоятельностью.

«Курица не птица, Болгария не заграница», — глупо шутили в прежние времена номенклатурные, выездные люди. В любой шутке только доля шутки, остальное правда. После 1945 года московские лидеры были уверены, что вправе распоряжаться Болгарией по собственному усмотрению. В 1947 году Сталин был готов и вовсе убрать Болгарию с политической карты мира, включив ее в Балканскую федерацию вместе с Югославией и Албанией. О превращении Болгарии в шестнадцатую советскую республику позже заговаривал уже Тодор Живков, понимая, сколь приятно обсуждение этой темы в Москве. Коллеги по советскому политбюро такую возможность не исключали. Остановка была за частностями, так сказать, технического толка.

С кремлевских высот Болгария, верно, казалась маленькой страной, коей следует повелевать и наставлять на путь истинный. У болгар на сей счет другое мнение. Прежнее их, вынужденное, молчание никак не следовало понимать как знак согласия.

Маляр, который отказался стать министром

Депутат парламента Милан Дренчев провел в тюрьмах и лагерях 17 лет. Но в отличие от лидера социал-демократов Петра Дерглиева ему нечего бояться аллергии на социализм. Он сам не выносит ни социализма, ни Болгарской социалистической партии, которая еще недавно называлась коммунистической. Милан Дренчев возглавляет Болгарский земледельческий союз имени Николы Петкова, человека, которого коммунисты расстреляли в 1947 году.

В Болгарии два земледельческих союза — один, как здесь говорят, казенный, то есть официальный, существовавший при коммунистах как зримое воплощение социалистической демократии и социалистического плюрализма. И второй, возглавляемый Дренчевым, появившийся после свержения Живкова и стоящий в оппозиции к коммунистам.

Милан Дренчев с седыми усами, великопленной шевелюрой, несмотря на семнадцать лет лагерной жизни, оказался сангвиником и жизнелюбом.

При двух высших образованиях — юридическом и экономическом — Милан

Дренчев после освобождения из лагеря работал маляром. Видимо, и в этом деле он преуспел, поскольку его пригласили красить виллу члена политбюро Петра Младенова. Когда после свержения Живкова Младенов на короткое время стал президентом страны, он вновь пригласил к себе Дренчева. На сей раз он предлагал бывшему маляру портфель министра. Красить виллу Дренчев согласился, а от министерского кресла в правительстве Младенова благообразно отказался.

Все были удивлены, когда нынешней весной Дренчев изъявил желание поехать в Москву в составе парламентской делегации.

— Меня друзья упрекали: зачем едешь в Советский Союз? А я им объяснял: Миттеран едет, Тэтчер едет, а Дренчеву нельзя? Обязательно надо ехать в Москву. Я не считаю ни Советский Союз, ни Россию, ни русских виновными в моих несчастьях. Ваш народ пострадал от коммунизма больше всех. Болгарии нельзя отворачиваться от России. Это просто невыгодно.

Эмоции в сторону, да здравствует прагматический подход?

Лидер земледельческого народного союза имени Николая Петкова Милан Дренчев, озобоченный больше всего тем, как на выборах нанести поражение бывшим коммунистам, вовсе не желал бы считаться антисоветчиком.

— Коммунисты были верны Москве, и это оказало плохое влияние на наше отношение к России, — сказал Дренчев в конце разговора. — Скажем, бульвар маршала Толбухина будет переименован, а улицы, названные в честь русских генералов, помогавших нашему народу освободиться от турецкого ига, никогда.

Три ложки сахара

А что думают политики нового поколения?

Председатель координационного совета Филип Димитров молод и нарочито холоден. Я пришел к нему в неудачный момент — только что по радио передали, что несколько партий и движений, входящих в Союз демократических сил, не намерены подчиняться Димитрову и, вероятно, вообще отколются от Союза демократических сил.

Опустив в маленькую чашечку кофе три ложки сахара — для поддержания напряженной мозговой деятельности, чернобородый Филип Димитров, бывший адвокат, занимавшийся еще и психотерапией, объяснил мне, что оппозиция не занимает антисоветских позиций.

— Но мы не хотим прежней зависимости от Москвы. И союзнические отношения нам тоже не нужны. Безопасность надо искать не в военном союзе, а в создании системы

Памятник русскому царю — освободителю Болгарии чудом сохранился в самом центре Софии

международных гарантий. Сохранение военного союза с Москвой будет означать, что нам не избавиться от прежнего страха перед большим братом, который в любую минуту может пожелать вновь помочь своим идеологическим соратникам. По их просьбе, разумеется, и в строгом соответствии с военными статьями договора. Мы же помним, как это произошло в Чехословакии.

Холодно-равнодушный тон председателя национального координационного совета СДС отражает общее мнение оппозиции?

Стефан Стоянов, депутат парламента, разговаривая со мной, зачеркивал на своих визитных карточках вторую должность — заместитель председателя демократической партии.

— Меня через два дня исклучат, — объяснил он.

Стефан Стоянов разошелся с руководством своей партии, потому что не приемлет экстремизма, широко распространившегося среди небольших оппозиционных партий. В Союз демократических сил входят несколько реальных партий — с серьезной социальной базой, остальные — мелкие организации и движения. Но именно они задают тон в оппозиции, поскольку на заседаниях национального координационного совета действует принцип «одна партия — один голос».

— Атаки на Советский Союз сейчас очень популярны на митингах, — заметил Стефан Стоянов. — Это не значит, что антисоветские настроения широко распространены. Я уверен, что в будущем отношения наших стран будут хорошими, но в любом случае не такими, как прежде. Сейчас даже необходимо отвести чуть дальше маятник, чтобы он скорее вернулся в нормальное положение.

Стоянов, молодой и симпатичный человек, в хорошо выглаженном костюме, быстрый в движениях, то и дело отлучался в зал заседаний, чтобы проголосовать.

— После смерти СЭВ, свертывания двусторонних торгово-экономических отношений между Советским Союзом и Болгарией наша промышленность оказалась в трудном положении. И многие требуют скорее заключить торговый договор с Москвой и продавать ей все, что не берет Запад. Но пытаться сейчас только вернуться на советский рынок — значит выбрать легкий, но неправильный путь, — говорит Стефан Стоянов. — Надо модернизировать экономику, делать ее конкурентоспособной, прорываться на мировой рынок, а не на нищий советский, где все возьмут и еще спасибо скажут.

Молодого депутата ждет высокая длинноногая девушка, которая очень хочет казаться строгой, но он не торопится и готов объяснить советскому человеку, как к его родине относится болгарский народ.

— Единство славянских народов вечно, но отношения между народами не должно влиять на межгосударственные связи. Политическое развитие Европы ведет нас не к особым отношениям с Советским Союзом, а к нормальным. Кроме того, славянских народов не два, а больше, и не только болгарам и русским следует дружить, а всем.

Стефан Стоянов совсем недавно стал заниматься политикой. До этого он был математиком, преподавал в университете.

— Я занялся математикой, считая точные науки прибежищем от коммунизма, и полагал, что мне никогда не придется цитировать Маркса—Энгельса. Все-таки я был

очень наивен. Когда я открыл устав союза болгарских математиков, то узнал, что обязан следовать линии Болгарской коммунистической партии в математике.

С кем вы, братья-славяне?

В августе прекратил свое действие договор, закреплявший особые отношения народной Болгарии и Советского Союза. Одни рады этому обстоятельству: София демонстрирует отказ от односторонней ориентации на Москву и подкрепляет возрождаемый суверенитет страны. Другие обеспокоены: некому защитить Болгарию, если возникнет военная угроза. Кто может быть источником такой угрозы? Турция. Болгары любят Турцию так же, как армяне. И дело не только в том, что из национального сознания не уходят воспоминания об оттоманском иге.

Проблема с болгарскими турками, которых Живков пытался насильственно ассимилировать, довела болгарское общество почти до истерики. Многие уверены, что в любой момент Турция может вторгнуться, чтобы «освободить и спасти» болгарских турок. И теперь Анкара знает, что Советский Союз не вступится за маленькую Болгарию...

Во время разговора с профессором Иваном Маразовым, заместителем министра культуры, я спросил: зачем Живков в 1984 году создал проблему болгарских турок? Неужели он совсем не понимал, какую бомбу подкладывает под будущее своего народа?

— Он просто хотел направить растущее в обществе социальное напряжение против турок, — ответил Маразов.

— Так примитивно?

Иван Маразов, крупный ученый, который читает лекции в европейских университетах, тихо заметил:

— Я не думаю, что политики отличаются особой изощренностью.

Турецкая проблема не была неизбежностью, но теперь она превратилась в геостратегический фактор. Начальник генерального штаба болгарской армии Радню Минчев говорит о том, что «мощное военное присутствие Турции в районе Фракии» беспокоит народ Болгарии.

Но не только в военных аспектах дело. С кем новая Болгария? Какое место она займет в не единой еще Европе от Атлантики до Урала?

Самый простой ответ: если не с нами, то против нас. Раз не возобновляет договор, затевает шашни с НАТО и Соединенными Штатами, значит, вместо друга — недруг. Но это ошибка. Даже оппозиция не желает враждовать с Советским

Наши соотечественники освобождали Болгарию дважды. На улицы, названные в честь генералов старой русской армии, никто не покушается. Но имена советских военачальников, судя по заявлениям оппозиции, могут исчезнуть с городских карт

Фото австро

Союзом, Россией. И даже социалисты (коммунисты) говорят: особым отношениям больше не бывать. И курица теперь птица, и Болгария за граница.

Для тех, кто считает происходящее после 1985 года катастрофой, потеря военного союзника на Балканах невыносима. Но следует уточнить: союзником Кремля был не болгарский народ, а софийский партаппарат. Четыре десятилетия коммунистического правления нарушили духовные связи между народами, их и предстоит теперь восстанавливать.

Единству судеб славянских народов Варшавский Договор был плохим подспорьем. Возвращение суверенитета, обретение уверенности в себе, вхождение в новую Европу помогут Болгарии установить правильные отношения с Советским Союзом, Россией.

Обида

Чувствуется некая обида Москвы на Болгарию: уж от вас-то никак не ожидали... Причину размолвки ищут не там, где она есть. Болгары ополчились не на Россию и русских, а на собственных коммунистов и их покровителей. Преодоление прошлого для Болгарии и России означает возвращение дружбы, основанной на глубоких этнических и культурных связях.

Глупо сетовать на то, что в Болгарии усиливается влияние Запада, если в этом году решением советского правительства болгары были лишены всей советской периодики и книг. Подписаться на советскую газету или журнал можно было только на доллары. Но болгарин получает зарплату в левых. Вся Болгария читала советские издания. По вине советского правительства эта духовная связь прервана. За этот год болгары привыкли читать другие газеты и другие журналы. А научная, техническая интеллигенция основывает теперь западные монографии.

В трудном положении находятся Дом советской культуры и техники в Софии и Болгарский культурно-информационный центр в Москве — у обеих стран нет денег. Екатерина Кишкина из министерства культуры Болгарии говорила мне, что теперь эти центры нужны как никогда: живая нить, связующая народы, которые встречаются словно после долгой разлуки.

Но особняк болгарского культурного центра на Ленинградском проспекте весьма соблазнителен с точки зрения валютной выручки. Говорят, московские власти хотят сдать его каким-то фирмам.

В Пловдиве я встретил своего друга Георгия Разпопова, русиста, прекрасного переводчика с русского языка. Несколько лет он работает в болгарском центре в Москве, а в Пловдив вернулся в отпуск. Два часа Георгий Разпопов показывал мне старый Пловдив — реставрацией этих божественных улочек он занимался полжизни. Если болгарский центр закроют, Георгий вернется домой. В Пловдиве еще не все сделано. А мы останемся одни?

Леонид Млечин
СОФИЯ—МОСКВА

Прага АВГУСТ

Йозеф Смрковский вспоминает, как за одну ночь была разрушена вековая дружба между двумя народами.

Эти строки не печатались ни в Советском Союзе, ни, насколько я знаю, в Чехо-Словакии. Где-то в начале 70-х годов они появились в пражском самиздате. Одна из копий оказалась и в моем архиве. Автор — Йозеф Смрковский — среди лидеров ответшей уже к тому времени «Пражской весны» был, пожалуй, самой колоритной ее фигурой. Высокий, поджарый, с

ежиком торчащих во все стороны пегих волос и хитрово-добродушной улыбкой на лице мастерового, знающего толк в жизни и отдававшего, почему фунт лиха. Если Дубчек был знаменем «Пражской весны», Людвиг Свобода, президент, — ее совестью, Цисарж — мозгом, другой член партийного руководства Кригель воплощал ее непримиримость, а председатель правительства Черник — гибкость, то Йозеф Смрковский стал, бесспорно, ее трибуном. Свой путь за правдой он начал еще в первой Чехословацкой республике, став в начале 30-х годов секретарем Красных профсоюзов. После Мюнхена ушел в подполье, участвовал в Сопротивлении. Представлял КПЧ в руководстве Майским

1968 Москва

восстанием в Праге в 1945 году и оказался в длинном перечне репрессированных вскоре после февраля 1948-го и впоследствии дождавшихся реабилитации. После апреля 1968 года стал председателем Национального собрания ЧССР. В результате «нормализации» 1969 года снят со всех постов, исключен из КПЧ, вскоре умер.

Кира Никифорова

...В о вторник, 20 августа (1968 года), в два часа дня началось заседание Президиума ЦК партии. Мы обсуждали вопрос о подготовке к XIV съезду КПЧ. До 23 часов 30 минут ни я, ни кто-либо другой не имели ни малейшего представления о том, какие драматические события вскоре произойдут.

Приблизительно в половине двенадцатого ночи Черника вызвали к телефону в соседнюю комнату. Он вернулся через десять минут совершенно подавленный, попросил прекратить обсуждение вопроса и объявил, что армии пяти стран Варшавского Договора (за исключением Румынии) с разных сторон перешли чехословацкие государственные границы и что к шести часам утра наша страна будет оккупирована. Его заявление произвело жуткое впечатление. Сам он рухнул без чувств. То же произошло и с Дубчеком. Оба утратили способность двигаться. Потом возник нелепый спор, который продолжался более часа.

Время шло. Мы не могли прийти к какому-либо решению. Я уже не помню, кто предложил составить За-

явление. Его составлением занялся товарищ Кригель, и в конечном счете оно было готово. Конечно же, я тоже принимал в этом участие. Однако Кольдер, Биляк, Якеш и другие бесконечными дискуссиями затягивали работу. Дубчек пребывал в шоке. Он сказал, что ему, видимо, нужно подать в отставку, но мы с ним не согласились. Учитывая то состояние, в котором находились он и Черник, я встал и сказал, что общественность ждет обещанной информации. Надо было прекращать дискуссии и голобовать, так как каждый уже выступил по 3-4 раза (Биляк и его друзья возражали против той части Заявления, где говорилось, что армии стран Варшавского Договора нарушили международное право). Семь человек проголосовало за Заявление, четверо — против. Президент республики Людвиг Свобода сидел рядом с Дубчком. Как только мы получили известие о вторжении, я сразу ему позвонил. Его жена сказала, что у Свободы находится Червоненко (в то время посол СССР в Праге) и что он сможет после разговора с ним приехать в ЦК. Он прибыл через час. Я не спросил у Свободы, он «за» или «против» опубликования Заявления, так как президент не был членом президиума...

Заявление мы передали в средства массовой информации. По радио объявили: «Сейчас мы зачитаем решение Президиума ЦК партии». И на этом все оборвалось. Через 10-15 минут меня вызвали к телефону в соседнюю комнату. Сотрудники радио (не центрального, а районного, если я не ошибаюсь, из Страгова) сообщили мне, что они ждали информацию Президиума, но товарищ Гофман объявил, что ее не будет. Тогда они решили позвонить сюда к нам и узнать, что происходит. Я объяснил им, как обстоит дело, сказал, что товарищ Гофман перестал нам подчиняться, что он отказался предоставить радиовещание в распоряжение официального руководства партии. Эта информация была случайно услышана в Вене. И через один-два часа о решении партии узнал весь мир.

Еще один эпизод произошел часа

в два или три ночи. К нам пришла делегация из «Руде право». Товарищи мне сказали, что Швестка приказал остановить ротаторы, на которых печаталось заявление партии. Кроме того, они сказали, что он сам пишет новое заявление. Я их проинформировал о действительном положении вещей. Они сделали все, чтобы «Руде право» с нашим заявлением вышла.

Тем временем некоторые члены Президиума ЦК и секретари ушли с совещания. Это были Индра, Якеш, Кольдер и другие. Мы были подавлены событиями, а они бегали повсюду, чтобы поскорее узнать о происходящем. Черник уехал на экстренное заседание правительства, а Дубчек, Кригель, Шпачек, Вацлав Славик и я остались.

Некоторые товарищи приходили и высказывали опасения относительно нашей судьбы. Они говорили: «Почему вы ждете, когда вас арестуют? Мы вас укроем». Я отказался, Дубчек сделал то же самое. Мы ждали. Около пяти утра к ЦК подъехал автомобиль, затем подошли танки. Парашютисты встали вокруг здания. Часть из них с оружием в руках бросилась внутрь. У них уже были чешские сопровождающие...

Мы находились в кабинете Дубчека. Они пришли и объявили, что никто не смеет выйти из помещения, и составили список присутствующих, среди которых были и наши сотрудники, например мой секретарь, шофер, телохранитель, ждавшие нас. Они собрали всех в кабинете Дубчека. Если кому-то надо было выйти в туалет, то один из парашютистов с оружием в руках сопровождал. Мы видели, как подъехал старший офицер, полковник небольшого роста, дважды Герой Советского Союза. Он хотел узнать у нас, где находится товарищ Швестка.

После пяти утра мы видели, как перед зданием Центрального комитета собираются значительные группы молодых людей. В руках у многих были национальные флаги, они шли по десять человек в ряд, и впереди колонны тоже развевался чехословацкий флаг. Они хотели

подойти к зданию. Вдруг солдаты дали залп в воздух, а один из тех, кто руководил ими, выстрелил в молодого человека, находившегося в первом ряду. Я видел, как тот упал. По всей видимости, его убили.

Увидев, как убили этого молодого человека, я бросился к телефону секретарши Дубчека. Я сказал ей: «Немедленно соедините меня с Червоненко». Червоненко сразу же снял трубку, видимо, он сидел у телефона и ждал. Я сказал ему: «Сейчас произошло следующее, и вы, товарищ посол, несете главную ответственность за пролитую кровь». Но посол не успел мне ответить, так как один из советских парашютистов с такой силой ударил по аппарату, что тот разлетелся вдребезги. Через несколько секунд Дубчек позвонил Чернику в правительство. Телефонный шнур у аппарата был достаточно длинный. Тогда другой солдат схватил шнур и перерезал его. Затем солдаты перерезали все остальные провода. Они обрубили даже тот провод, который обеспечивал прямую связь с Москвой.

Еще до полуночи я позвонил жене и рассказал о случившемся. Она не поверила мне. Больше я с ней поговорить не смог. Затем я узнал, что в семь утра 21 августа, когда мы уже были арестованы, перед моим домом в Стрешовице остановилась автомашина, три или четыре человека вошли внутрь и попытались проникнуть в квартиру. Они сказали, что их послал товарищ Шалгович, чтобы обеспечить мою безопасность. Моя жена, женщина достаточно опытная, отказалась впустить их. Она сказала им: «Зачем товарищу Шалговичу посылать вас, когда мой муж уже задержан? Что вы собираетесь здесь делать?» Тогда они спросили, могут ли они хотя бы позвонить, но она ответила, что для этого существуют телефоны-автоматы. Беседуют уже позже с женами Цисаржа и Кригеля, она узнала, что от нас приехавшие отправились на квартиру Цисаржа, арестовали его там, отвезли на Бартоломейскую улицу, где размещалось полицейское управление, а затем поехали к Кригелю.

...Утром, в начале девятого, командир десантников, уже упоминавшийся дважды Герой, вернулся с чешскими добровольцами — сотрудниками министерства внутренних дел и провел поименную переключку. Затем велели мне, Дубчеку, Шпачеку, Кригелю и еще не помню кому следовать за ним.

Через коридор нас провели в кабинет Честмира Цисаржа. Когда мы туда вошли, один из сотрудников министерства внутренних дел, за которым внимательно следили советские офицеры, объявил нам, что через два часа мы предстанем перед революционным трибуналом под председательством товарища Индры.

Кто был кто

Сегодня некоторые из упоминаемых автором действующих лиц трагедии, состоявшейся более двух десятилетий назад, почти забыты. Поэтому напомним: **Карел Гофман** тогда руководил Чехословацким радио, **Олдржих Швестка** был главным редактором газеты «Руде право», **Вацлав Славик**, **Йозеф Ленарт**, **Зденек Млынарж** — секретарями ЦК КПЧ, **Милош Якеш** — председателем Центральной контрольной и ревизионной комиссии. Профессор **Венек Шилган** был избран на впоследствии аннулированном XIV чрезвычайном (Высочанском) съезде КПЧ временно исполняющим обязанности первого секретаря ЦК. **Виллиам Шалгович** был министром внутренних дел, **Богуслав Кучера** министром юстиции, а **Мартин Дзур** — министром обороны ЧССР.

Я не удержался и воскликнул: «Какой еще революционный трибунал и какой товарищ Индра будет председательствовать?» Дубчек дернул меня за рукав и сказал: «Иозеф, это не имеет никакого смысла. Не говори ничего, помолчи». Мы остались сидеть в кабинете Цисаржа: по одну сторону стола — мы, по другую — офицеры из МВД. Уже днем, примерно часа в два, нам велели последовать за ними. Под дулами оружия мы прошли мимо технических сотрудников ЦК. Затем спустились по лестнице. Куда нас везли? В революционный трибунал или в подвалы? Потом мы оказались во дворе, где стояли две бронированные машины. В одну на заднее сиденье затолкали Дубчека и Кригеля, в другой оказался я со Шпачеком. Так мы доехали до аэропорта Рузине. Затем нас посадили в транспортный «АН», который служил для перевозки танков. Через полчаса — пересадка в другой самолет, военный. Затем сопровождающие вывели из самолета Дубчека, и больше в пути мы его не видели. Очевидно, его увезли на другом самолете вместе с Черником. В самолете нас осталось трое — Кригель, Шпачек и я. Уже стемнело, когда мы приземлились в Западной Польше. Проехали километров пятнадцать и попали в барачный полицейский лагерь. У каждого из нас уже был свой «ангел-хранитель». Около трех часов ночи нас вновь отвезли на аэродром и посадили в «ТУ».

Приземлились где-то в Карпатах. Нас рассадили по «Волгам», и машины разъехались в разных направлениях. Мы проехали километров тридцать в сторону гор, потом машина остановилась перед барачного типа лагерем и небольшим домиком в саду, окруженном колючей проволокой. Я подошел к порогу дома и увидел стоящего там Черника. Оказывается, его привезли за несколько минут до меня. Черник обнял меня. Позже мы узнали, что другие товарищи находятся в десяти-пятнадцати километрах от нас, в подобном же домике.

Впервые после ареста мы могли поговорить друг с другом. Мы сели под сосной. Черник заплакал. Вскоре нас позвали к столу и, в отличие от предыдущего дня, подали вполне приличный обед. На столе появилась даже бутылка вина! Мы переглянулись. «Олдржих! — сказал я. — Теперь совсем другое дело. Это что-то означает, ведь такой обед полагается приличным людям».

После еды мы вышли на свежий воздух. Вдруг офицер крикнул нам: «Товарищ Черник! К телефону!» Олдржих пошел к телефону и вскоре вернулся очень взволнованный: «Это был Саша (то есть, Дубчек), — сказал он мне. — Саша разговаривал с Брежневым. Он едет в Москву и говорит, что кто-то дол-

На пражской улице

жен поехать вместе с ним, так что я еду». Это было в четверг после обеда.

Таким образом, еще сутки я оставался один. Потом неожиданно появился молодой человек и сказал: «Мы улетаем...»

Приземлились во Внукове. Из аэропорта повернули не в сторону Москвы, а направо. Проехав около сорока километров через лес, мы снова оказались перед строением, окруженным глухой стеной. Меня разместили там. Через окна отведенной мне комнаты я увидел во дворе Богоуша Шимона, которого привезли туда до меня.

Мы провели вместе почти сутки. Стол был накрыт, и нас позвали подкрепиться. Я посмотрел на молодую женщину, которая обслуживала нас, и спросил у нее: «Мы знакомы, да?» Она посмотрела на меня и сказала: «Не знаю, не знаю». Тогда я сказал, что мы уже виделись в июне, когда я приезжал в Москву с парламентской делегацией. На вилле, отведенной для гостей, где я тогда жил, она обслуживала меня вместе с еще одной женщиной. Я по-

нял, что эти молодые женщины, обслуживающие иностранных гостей, видимо, работают в КГБ.

Через день мы уехали в Москву. Нас привезли в здание Центрального Комитета партии. Мы поднялись на четвертый этаж. Подождали немного, а затем появился Иозеф Шпачек, которого также поселили где-то в окрестностях Москвы. Он там находился вместе с Кригелем, но Кригеля в Москву не привезли, оставили на месте.

Когда все мы трое оказались вместе, один из советских партийных работников пригласил нас следовать за ним. Открылась дверь в зал заседаний. В зале стояли Брежнев, Косыгин, Подгорный. Мы поздоровались и сели друг против друга. Брежнев на своей половине был в центре, слева от него находился Подгорный, а справа — Косыгин. Я сидел напротив Брежнева, справа от меня — Шимон, слева — Шпачек.

Брежнев сказал, что произошла ужасная вещь и что они пришли нам на помощь. Говорил он главным образом о XIV съезде партии.

Так из его уст мы узнали, что XIV съезд КПЧ состоялся, что у нас была забастовка и что население всему сопротивляется. Мы также поняли, что никакого нового правительства не существует и что Людвиг Свобода находится в Москве вместе с другими товарищами. Мы также узнали, что нас отвезут в Кремль, где состоится переговоры, а потом мы вернемся в Чехословакию. Я тогда спросил: «Означает ли это, что мы больше не находимся под арестом и опять являемся представителями Чехословацкой республики?»

Брежнев все время сводил речь на Шиллгана, интересуясь, кто он такой и что собой представляет. Брежнев и Косыгин сказали нам, что мы должны вернуться и аннулировать XIV съезд КПЧ, чтобы проводить коммунистическую политику. Я заметил в ответ, что мы, конечно же, вернемся и что я буду проводить коммунистическую политику, отвечающую моей совести и воле нашего народа.

Эти слова рассердили наших собеседников. Особенно Косыгина. Он сказал: «Как Вы, старый коммунист, можете так говорить?!» Я ему ответил: «Я говорю то, что думаю. Именно потому, что являюсь старым коммунистом. Я буду с еще большим старанием проводить политику, действительно, в согласии с моей совестью!» Мы вновь обменялись несколькими резкими фразами. В конце концов Брежнев так разнервничался, что стал мне «тыкать».

Я сказал ему: «Вы, товарищ, разрушили вековую дружбу между нашими народами. Вот уже более ста лет наш народ исповедует славянофильство и хранит любовь к славянской России, из них 50 лет — к СССР. В наших народах вы могли найти самых верных друзей и в одну ночь всё это разрушили».

Так как мы не могли ни к чему прийти, было решено прервать переговоры. На выходе охрана уважительно нас приветствовала. Тогда я понял, что уже не являюсь пленником и вновь стал председателем Национального собрания. Меня отвезли на виллу, предназначенную для государственных гостей. Нам выдали чистое белье, так как свое мы не снимали уже пятый день.

... В Кремле нас провели в крыло, которое было предоставлено в распоряжение Людвиг Свободы. Когда мы туда вошли, то увидели там двадцать, а может быть, и тридцать человек. Среди них было много знакомых: Дзур, Кучера, Якеш, Ленарт и многие другие. Здесь же находился Зденек Млынарж. Увидел я там и Черника. Дубчек был болен. Мы быстро обменялись новостями. Затем Млынарж

информировал нас о XIV съезде, о том, что происходит в Чехословакии. Именно от него мы узнали больше всего. Никто не мешал нам разговаривать, однако среди нас постоянно находились советские сотрудники.

Мы уже знали от наших товарищей, чего от нас ждут. Должен быть составлен протокол. Когда мы ознакомились с его проектом, предложенным советской стороной, мы заявили, что он неприемлем и что мы составим свой собственный проект. Мы такой проект представили. Делегации, которую я возглавил и в которую вошли также Ленарт и Швестка, было поручено высказать точку зрения нашей партии советскому Политбюро и секретарию Центрального Комитета Пономареву.

Было уже поздно, около 10 часов вечера. Придя к Пономареву, мы объяснили, что не можем подписать советский протокол, так как он для нас неприемлем. Тот ответил, что наш проект, в свою очередь, неприемлем для СССР. Этот разговор состоялся в воскресенье. Я изложил точку зрения нашей делегации. Ленарт и Швестка не проронили ни слова.

Сейчас я плохо помню различия между двумя протоколами. Протокол, подписанный в Москве, в общем известен, но первый советский проект был намного хуже. В нем утверждалось, что войска пришли для того, чтобы воспрепятствовать контрреволюции и оказать нам интернациональную помощь. Мы отказались от этого тезиса. Тогда такой абзац был вычеркнут. Наше мнение взяло верх и по двум другим пунктам. Они касались находящихся в нашей стране армий. В первом варианте проекта было сказано, что они останутся в стране. Нам удалось убедить принять выражение «временное пребывание», а затем также вставить в один из четырнадцати параграфов формулировку о том, что послеянварская политика и демократизация будут продолжены. Были и другие менее значительные детали. После этого мы сказали Пономареву, что не подпишем неприемлемый для нас проект.

Он нам ответил: «Если вы его не подпишете сейчас, то вы его подпишете через неделю. Если вы его не подпишете через неделю, то вы его подпишете через две недели, а если вы его не подпишете через две недели, тогда вы это сделаете через месяц».

Затем я рассказал о состоявшемся разговоре остальным товарищам. Ленарт и Швестка подтвердили его содержание. Нам ничего не оставалось, как принять их текст за основу переговоров. В дальнейшем мы работали именно по этому тексту для

того, чтобы добиться некоторых небольших исправлений.

Мы все, группировавшиеся вокруг Дубчека, занимались нашим собственным проектом, а другие товарищи, приехавшие со Свободой, также находившиеся в Москве, все время куда-то пропадали. Я видел их очень мало. Вероятно, они что-то рассказывали друг другу или советские товарищи о чем-то их информировали.

Кригеля привезли в Кремль, но не в здание правительства, а в одну из комнат охраны. Вместе с Йозефом Шпачеком я должен был отнести ему туда протокол, чтобы он его подписал. Советские руководители были в этом заинтересованы, хотя Кригель и не получил разрешения присутствовать на переговорах.

Он спокойно прочитал текст и сказал: «Я это не подпишу». Мы со Шпачеком рассказали ему обо всем, что произошло, но ничего не могли с ним поделаться. И он продолжал оставаться в том же самом милицейском помещении. Кто-то, уже не помню кто, попросил, чтобы и он находился среди нас. Мы поговорили об этом с советскими представителями, и те дали согласие. Привели Кригеля. Он сел, вновь прочитал текст и снова сказал: «Я это не подпишу». Он объяснил также, почему он этого не сделает. Тогда возник очень неприятный спор между ним и Свободой. Свобода неожиданно набросился на него, заговорил с ним надменно, будто дело шло о каком-то новобранце. Было это действительно ужасно. Кригель — старый человек, ему 60 лет. Он попросил товарища Свободу не кричать на него, а потом, в свою очередь, стал кричать на Свободу, говоря об ответственности за горы мертвых у нас дома. Так они ни к чему и не пришли.

... Последние переговоры начались вечером. На этом финальном заседании присутствовал и Дубчек. В остальное время он лежал в соседней комнате и находился под контролем наших врачей. У него не прекращались сердечные приступы. Ему было очень плохо. Что касается шрама на лбу, о котором ходит столько легенд, то это результат того, что он потерял сознание в ванной комнате и ударился об умывальник. Ему сделали перевязку. За Дубчеком ухаживали наши военные врачи, которых привез Людвиг Свобода. Индра также не принимал участия в последних переговорах. Перед заседанием впустили в зал группу кинематографистов и репортеров. Когда они закончили свою работу, их выпроводили, и переговоры начались. Слово взял Брежнев. Дубчек ответил ему. Вмешался Черник. Казалось, произойдет полный разрыв.

Август 1968-го. Городской пейзаж

Вновь против нас были выдвинуты самые разные обвинения. Дубчек отверг их. Было похоже, что нам придется встать и уйти и переговоры не состоятся. Тогда взял слово Свобода и сказал, что подобный обмен репликами не имеет смысла, что надо взять протокол и обсуждать его пункт за пунктом, слово за словом. Он сказал, что снова все будет хорошо и что, когда советские солдаты будут уходить от нас, их станут забрасывать букетами цветов.

Советские представители сказали, что они согласны. Это было в понедельник вечером. Переговоры закончились около полуночи подписанием протокола.

Прежде чем поставить свою подпись, я хотел получить консультацию юридического плана. Я спросил у Кучеры, министра юстиции, имеем ли мы право в том положении, в каком находимся, подписывать протоколы от имени Чехословацкого государства. Он не смог мне сказать ничего определенного. Как и следовало ожидать, этот вопрос, который я задал без всякой задней мысли, просто потому, что хотел знать, имею ли я право по нашей конституции, по нашим законам подписывать как председатель Национального собрания подобную вещь, был в 1969 году, в момент моего отстранения, отнесен к числу совершенных мною ошибок. Пиллер вынес эту историю на президиум, сказав, что уже в Москве я поставил вопрос о законности наших подписей в подоб-

ной ситуации. В конце концов, протокол мы подписали.

Сейчас мне трудно сказать, кто больше всего сопротивлялся или кто больше всего стремился подписать этот документ. В той или иной мере мы все были против. Я понимал, что это был решающий шаг. И я не отказываюсь от того, что я его сделал. Но, как я сказал в моем выступлении по возвращении, в один прекрасный день история рассудит, правильно ли мы сделали или же мы совершили предательство. Я не знаю. Но в тех обстоятельствах я действовал по собственной воле, хотя и долго, очень долго сомневался.

...Когда переговоры закончились подписанием, нам оставалось до отлета два или три часа. Мы разговаривали с советскими руководителями, разделившись на группы по два-три человека, когда ко мне подошел Ленарт и сказал, что в одном из залов Кремля ждут товарищи Ульбрихт, Гомулка, Кадар и Живков и что они хотят выпить с нами и поприветствовать нас. Ленарт предложил мне собрать наших, так как приглашались не все делегаты. Я посмотрел на Ленарта и сказал ему: «Товарищ Ленарт, походи и скажи им, что мы не хотим не только пить с ними, но даже видеть их».

По всей вероятности, он им это передал. Я же, конечно, рассказал об этом Дубчеку и Чернику. Они ответили: «Ты правильно сделал». До той минуты я не видел их, мы даже не знали, что они здесь находятся. Только таким образом мы уз-

нали, что они участвовали во всех переговорах в Москве, что протокол и все остальное разрабатывалось с участием Ульбрихта и компании*. А мы, которые ничего не знали, мы должны были лишь идти пить с ними коньяк...

Затем мы начали обсуждать наше возвращение в Чехословакию. Свобода хотел позвонить в Прагу, чтобы службы президентского дворца занялись всеми вопросами. Советские руководители возражали: нам не надо ничего организовывать, все будет организовано советской стороной, а в Праге всем займется товарищ Червоненко. И все было сделано таким образом, чтобы мы прибыли ночью и в Праге никто об этом не знал.

Мы продолжали разговаривать с советскими руководителями, разбившись на небольшие группы. Кригеля среди нас не было. Еще до переговоров Дубчек сказал Брежневу, что если будем возвращаться, то только все, значит, и с товарищем Кригелем. Советские представители дали свое согласие.

После подписания протокола Дубчек подошел ко мне и сказал, что они не хотят возвращать нам Кригеля. Я ответил, что это невозможно и надо требовать новых переговоров.

Я позвал Черника. Он решил поговорить со Свободой, который находился в другой комнате с Брежневым. Мы добились разрешения на встречу и потребовали новых переговоров — «четыре на четыре». Когда бывало необходимо урегулировать какие-то детали, то мы собирались по четыре человека с каждой стороны: Брежнев, Косыгин, Подгорный и Сулов — с советской стороны и с нашей — Дубчек, Свобода, Черник и я. Мы сказали советским представителям, что без Кригеля мы в Чехословакию не вернемся.

Они объяснили нам, почему хотят оставить его у себя. Они сказали, что у нас возникнут трудности, так как мы подпишем протокол, а он будет играть роль героя. Мы ответили, что это наше дело и что мы не вернемся без него. Они посоветовались между собой, вернулись и сказали: «Мы вам его отдадим». Когда мы прибыли в аэропорт, один из советских товарищей сказал нам: «Ваш Кригель находится в самолете». Тогда я позвонил одного из сотрудников нашего посольства и попросил его подняться на борт самолета, стоявшего метрах в 30 от здания аэропорта. Он пошел туда и, вернувшись, сказал: «Все в порядке. Товарищ Кригель находится в самолете».

Ночью мы улетели.

*См. по этому вопросу «Секрет пяти шинелей», «НВ» №8 за 1991 год.

Золото Маркосов

Пятый год продолжаются поиски богатств покойного филиппинского диктатора Маркоса. Правительство Корасон Акино обвинило семью бывшего президента в присвоении около 10 миллиардов долларов и возбудило ряд судебных исков. Эти богатства ищет американский адвокат Рональд ОЛЬСОН. С ним встретился корреспондент «НВ» Константин ИСАКОВ

Наша встреча произошла в австрийском замке Леопольдскрон под Зальцбургом, куда американский институт Зальцбургский семинар пригласил журналистов из 26 стран для участия в симпозиуме «Глобальная деревня и революция средств массовой информации».

«Новое время». Почему вы, американский адвокат, взялись защищать интересы филиппинского правительства?

Рональд Ольсон. С таким предложением несколько лет назад ко мне обратился председатель сената Филиппин Ховито Салонги.

Во времена диктатуры он был активным критиком политики Маркоса. Салонги пытались убить, но он остался жив и был вынужден эмигрировать. Как и многие другие противники режима, он нашел убежище в США. Преподавал право в Йельском университете. После падения диктатуры одним из первых актов нового президента Филиппин Корасон Акино было создание специальной комиссии, чьей задачей стало возвращение богатств, украденных у филиппинцев семьей Маркосов. Председателем комиссии стал Салонги, он консультировался со многими американскими юристами в поисках человека, который бы взялся вести это дело. Видимо, мое имя было названо среди других кандидатов... Так я оказался нанятым филиппинским правительством. И за свою работу отчитываюсь перед комиссией Салонги.

Бриллианты, картины, банки

«НВ». Чего вам удалось добиться?

Р.О. Первое, что предстояло выяснить: сколько украл диктатор? Точная сумма до сих пор неизвестна. По некоторым оценкам, она исчисляется несколькими миллиардами долларов. Это не только депозиты в банках, но и картины, золото, драгоценности. Один только список украшений госпожи Маркос занимает около 25 страниц. Деньги были вложены и в недвижимость: землю,

здания, банки. И прежде чем решать, как вернуть награбленное народу, предстояло еще выяснить, где оно спрятано.

Мы предполагаем, что собственность бывшего диктатора разбросана по всему миру, но большая ее часть осела на счетах в швейцарских банках, открытых, естественно, на подставных лиц. Какое-то время мы полагали, что на этих счетах находятся миллиарды долларов, и очень опасались, что Маркос успеет спрятать их прежде, чем мы начнем судебный процесс. Однако сравнительно быстро нам удалось добиться возбуждения дела в суде Лос-Анджелеса. Судья запретил Маркосам все манипуляции с собственностью на время судебного процесса...

Затем было необходимо начать процесс в швейцарском суде для того, чтобы идентифицировать банковские счета.

«НВ». Швейцария пользуется репутацией страны, строго соблюдающей полную секретность банковских операций на своей территории...

Р.О. Верно, это железное правило имеет мало исключений, но мы постарались воспользоваться одним из них, которое позволяет банковским служащим оказывать содействие иностранным государствам в поисках положенных на швейцарские счета капиталов, которые были добыты преступным путем. Таким образом, мы смогли найти

счета, на которых лежат 300 миллионов долларов. Есть основания предполагать о наличии и других счетов, открыть доступ к которым банковские служащие пока не хотят.

«НВ». Пытались ли вернуть недвижимость, принадлежащую семье Маркосов?

Р.О. На украденные деньги Маркос купил ряд компаний в нескольких странах. В частности, банки в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, три административных здания на 5-й авеню в Нью-Йорке. Нам удалось доказать, что «Калифорния Оуверсиз банк» отныне достояние народа Филиппин, так же как и 40-этажный нью-йоркский небоскреб.

Семье Маркосов принадлежит немало земельных владений. Маркос приобрел особняк в Голливуде, оцениваемый примерно в 5 миллионов долларов. Нам удалось выиграть и этот процесс, вернуть собственность законному владельцу — филиппинцам.

Маркос был известен страстью к коллекционированию картин. Перед самой революцией он предпринял попытку продать картины, так как деньги спрятать легче. Диктатору взялся помочь друг дома, человек, наживший немалый капитал на посреднических операциях по продаже оружия в страны Ближнего Востока, Аднан Хашоги. Нам, наконец, долго бы пришлось искать эти картины, если бы не звонок продюсера с австралийского телевидения, снимавшего фильм о Хашоги. Побывав однажды в его феешенебельной каннской квартире, австралиец увидел многие из тех картин, что украшали некогда дворец филиппинского диктатора. Мы обратились за помощью к французскому правительству и Интерполу и добились возвращения картин. Спустя некоторое время смогли организовать их продажу, а вырученные деньги вернуть филиппинцам.

Рональд Ольсон получил юридическое образование в колледже Айовы, Мичиганском университете и в Оксфорде (Великобритания). Работая в министерстве юстиции США, контролировал исполнение решений федерального правительства о десегрегации в школах южных штатов. Получил известность после судебных процессов, на которых отстаивал права журналистов. Вел тяжбу с правительством за выплату материальной поддержки бездомным и компенсаций индейцам за отобранные земли. Компаньон юридической фирмы «Манжер, Толлес и Ольсон». Поклонник большого тенниса.

20 лет Фердинанд Маркос находился у власти. Жаль было расставаться с накопленными сокровищами

После революции на Филиппинах семья диктатора бежала на Гавайские острова. Его детей — двух дочерей и сына — мне приходилось видеть в Сан-Франциско. Имельда Маркос после смерти мужа в 1989 году осталась жить в Гонолулу в особняке на берегу океана. Мы пытаемся вернуть и этот особняк филиппинцам.

«НВ». Вы рисуете достаточно радужную картину расследования. Неужели все было так просто?

Р.О. Увы, дело выглядит не так уж безмятежно. Мы вернули филиппинцам часть собственности диктатора, потому что семья Маркоса часто переставала сопротивляться, сдавалась. Так было в случаях с домом в Голливуде, картинами Хашоги, банком в Лос-Анджелесе.

Теперь у нас задача посложнее — вернуть крупные капиталовложения в швейцарских банках, которые все еще записаны на подставных лиц и подконтрольны агентам семьи Маркосов. Нам надо доказать, что эти деньги принадлежат народу Филиппин и что они были у него украдены. Представить судье убедительные доказательства того, что именно Маркос и его семья несут ответственность за эту кражу.

Слушания должны начаться в начале марта следующего года. Если удастся выиграть дело и получить соответствующее распоряжение суда Лос-Анджелеса, мы сможем обратиться к швейцарским судам с просьбой дать нам возможность вернуть оставшиеся капиталы Маркоса филиппинскому народу.

Кстати, как вы думаете: если будет установлено, что часть собственности филиппинского диктатора находится в Москве, сможем ли мы с такой же просьбой обратиться в московский суд, то есть попросить отнестись с уважением к решению американского суда и дать возможность вернуть филиппин-

цам, ну, скажем, летний домик на берегу озера?..

«НВ». ... Не думаю, что советским судам приходилось когда-либо заниматься такими делами. Но как минимум вы можете рассчитывать на поддержку нашего журнала, независимой печати.

Р.О. Журналисты в разных странах уже немало помогли нам, ведя собственные расследования...

Команда Ольсона против команды Маркоса

«НВ». Г-н Ольсон, вы часто употребляете слово «мы». Кто вам помогает?

Р.О. Я создал команду, в которую в разное время входило 10–12 адвокатов. Кроме того, мы пользуемся услугами еще примерно пятнадцати консультантов по юридическим вопросам, связанным с международным правом и системой законодательства в различных странах. Наконец, мы наняли нескольких детективов и юристов в Швейцарии, Франции. Трудно подсчитать точно число этих людей, думаю, их около ста.

«НВ». А кто противостоит вам?

Р.О. Семья Маркоса наняла немало юристов в Швейцарии, Франции, Калифорнии, на Гавайях и Филиппинах. Помогают ей и «друзья» бывшего диктатора.

В самом начале расследования мы добились права задавать в суде вопросы обвиняемой стороне, которая должна давать показания под присягой. Однако оба ответчика — Фердинанд Маркос и его жена Имельда — воспользовались предоставленным Конституцией США правом не отвечать на вопросы. Молчание было одной из форм сопротивления правосудию.

«НВ». Вы или кто-то из вашей команды ощущали давление со стороны семьи Маркосов?

Р.О. Мне самому никто не угрожал, и мне не известны слу-

Имельда Маркос входила в десятку самых богатых в мире женщин. Сегодня против нее выдвинуто 35 гражданских исков

чай каких-либо угроз моим коллегам.

«НВ». Насколько вообще, с вашей точки зрения, прочны позиции семьи и адвокатов Маркосов?

Р.О. Они достаточно уязвимы. У меня нет сомнений в том, что нам удастся доказать причастность бывшего диктатора Маркоса, его жены, детей и друзей к краже собственности народа Филиппин. Они будут пытаться доказать, что заработали эти деньги. Но в нашем распоряжении налоговые декларации семьи, согласно которым, например, за 10 лет их доходы составили всего лишь 300 тысяч долларов. Мне очень хочется задать на суде вопрос: чем вы объясните разницу между официальным доходом и реальными богатствами?

«НВ». В самом деле, как же Маркосу удалось получить эти миллиарды?

Р.О. Нам известно, что 15 процентов от продажи каждого фунта сахара — основной статьи экспорта Филиппин — Маркос клал в свой карман. У нас есть свидетельства того, что Маркос прикарманил деньги, выплаченные Японией правительству Филиппин в счет репараций за ущерб, нанесенный в годы второй мировой войны, и предназначенные для восстановления народного хозяйства страны.

«НВ». Сколько времени, по вашему мнению, потребуется для завершения дела?

Р.О. Маркос избегал составления письменных документов о своих денежных делах. Процесс поиска улик и свидетелей, думаю, займет еще от 4 до 6 месяцев, после чего начнутся слушания в суде. Видимо, развязка этого дела наступит не раньше 1997 года...

ЗАЛЬЦБУРГ

Фото автора и из журналов «Пари матчи» (Франция), «Камбио-16» (Испания)

Плен в своем отечестве

Лев Разгон

Во всех документах Оперотделов НКВД нет не только сожаления о погибших, но и страха за содеянное. Но страх был. Не перед Богом, не перед близкими погибших, не перед человечеством. Страх был перед начальством. И не за людей, а за то, что умирающие не выполнили план.

Окончание. Начало см. в №31—33/91

Т

олько страх за невыполненный план, и больше ничего, беспокоил огромную, многотысячную орду начальников всех мастей и рангов. Поэтому начальник оперативного отдела ГУЛАГа НКВД майор госбезопасности Иорш на «внеочередное донесение» своего подчиненного из Печлага откликнулся в свою очередь «спецсообщением», посланным наверх, туда, самому Народному комиссару и его заместителям. И в этом «спецсообщении» от 14 марта докладывает:

«По телеграфному донесению начальника Оперативно-чекистского отдела Печорского исправительно-трудового лагеря НКВД, Печорлаг находится в тяжелом положении.

Группа «В» выросла в лагере до 34,2% к списочному составу заключенных. Фактически не работает почти половина всего лагерного населения. В январе умерло 1136, в феврале 968 человек.

Грузы с продовольствием задерживаются на железной дороге. В отдельных лагерных подразделениях Печорлага имеют место частые перебои с хлебом.

Подготовка Северо-Печорской железнодорожной магистрали к весне срывается. Месячный план земляных работ в феврале выполнен на 26,9%.

Учитывая низкое качество строения железнодорожного пути, весной возможен длительный перерыв движения. Из-за неготовности пути и плохой организации движения план погрузки воркутинского угля в феврале выполнен на 14,5%.

В январе-феврале месяцах 1942 года на железнодорожном участке Печорского лагеря произошло 7 крушений поездов и 16 аварий.

В январе-феврале Печорлаг НКВД понес убытки до 27 000 000 рублей. Все материалы по этим вопросам доложены на месте Начальником Оперативно-чекистского отдела Печорлага НКВД Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел т. Завенягину».

Да, о значении, какое придавалось этому лагерю, можно судить и по тому, что туда выезжал и был «толкачом» не кто-нибудь, а сам замнаркома внутренних дел Завенягин. Это был очень видный человек в этой системе, один из крупнейших рабовладельцев империи ГУЛАГа.

Авраамий Павлович Завенягин прожил не очень длинную (1901-1956), но весьма наполненную и содержательную жизнь. В коротенькой справке о нем в «Советском энциклопедическом словаре» сообщается, что он - советский государственный деятель, член КПСС с 1917 года, в 1941-1950 годах был заместителем наркома внутренних дел СССР, с 1953-го до 1955-го - министром среднего машиностроения и одновременно зам. Председателя Совета Министров СССР; мы узнаем, что А.П.Завенягин был де-

путатом Верховного Совета СССР, членом Центрального Комитета КПСС, удостоен Государственной премии и множества орденов, в числе которых дважды звание Героя Социалистического Труда. А еще мы узнаем, что крупнейший в стране полиметаллический запольярный комбинат носит имя А.Завенягина.

Я привожу эту коротенькую справку для того, чтобы сказать: этот человек вовсе не был из породы тех больших, средних и малых палачей, которые занимались несложным, в общем-то, процессом арестов, допросов, пыток, суда и расстрела. И в отличие от них, которые сами попали в этот ими налаженный механизм и получили пулю в затылок (если им не так повезло, как Вышинскому, сдохшему естественной смертью), не только жил в почестях, но и умер с почетом и покоится в Кремлевской стене.

Несомненно, этот человек обладал крупным организаторским талантом. Он строил Магнитку, железные дороги, построил за Полярным кругом, где вечная мерзлота и полгода полярная ночь, огромные рудники, заводы, большой и даже комфортабельный город Норильск. Завенягин возглавил советскую атомную промышленность, почему-то официально именуемую «средним машиностроением». Это он в кратчайший срок построил урановые рудники, богатейшие фабрики, где делались компоненты для начинки атомных бомб. Об организаторском таланте Завенягина с удивлением пишет в своих воспоминаниях А.Д.Сахаров.

Но всю свою жизнь этот, несомненно, образованный и талантливый человек имел дело только с полностью от него зависящими рабами. Когда он строил Магнитогорский комбинат, там заключенных не было, только вольные. Но эти «вольные» были раскулаченными крестьянами или же еще не раскулаченными, еще не арестованными, но убежавшими на «Великую стройку», спасаясь от ареста, ссылки, лагеря. И с ними считались не более, чем считался главный архитектор пирамиды Хеопса с ее строителями.

А потом Завенягин имел дело только с зеками, с заключенными. Их доставляли ему сколько угодно, ибо он работал в тандеме с главным поставщиком рабов - Берией. А рабов требовалось много, очень много. Еще никто не видел сверхсекретных дел о том, где и как строились урановые рудники, куда девались те, кто их строил, кто там добывал уран. Я еще не встречал ни одного бывшего зека, который отбывал свой срок в урановых копах. Осенью 1950 года я находился в пересыльной тюрьме города Георгиевска Ставропольского края. Как и положено, на «пересылке» регулярно формировались и отправлялись этапы в лагеря. Казалось бы, что больше всего арестантам следовало бы бояться длинных, по месяцу-полтора, этапов на дальний Север, в необозримую Восточную Сибирь. Но заключенные в Георгиевской пересылке

Подготовка акт. справ. (составитель)
при ЦК ВКП (б)

Кол. ЦК ВКП (б) в ЦК / СЗДОРОВ / КОЛЫС / ПРОСТАВЛЕНТ /
ЧОСКИ / ДУНКА / ДЯ ОГО / ЦЕН / ЗАЩИТА / КОЛОДЦА /
ЛТРЕЗОВ / ВЛДИНА / СТЕИ / ТАТ / ПУТЕ / КОСОВО /

1957/11
1957/11
1957/11

губать. Запрещается производство постороимм ивдгисов.

больше всего боялись по-
пасть на самый близкий этап
— даже не поездом, а автомо-
билем, — в самый близкий
лагерь, который можно
было увидеть невооружен-
ным глазом. Этот лагерь на-
ходился на знаменитой горе
Бештау — той самой поэти-
ческой горе, с которой свя-
зано имя Лермонтова, кото-
рой любят курортники
Пятигорска, Кисловодска,
Железноводска... Никому из
них никогда не приходило в
голову, что на этой красивой
детали курортного пейзажа
находится место мучений и
гибели многих тысяч людей.

Известно, что самые боль-
шие государственные сек-
реты узнают прежде всего
те, кого, как бы казалось, совершенно
изолировали от жизни, — заключенные.
И в Георгиевской пересылке все знали,
что на горе Бештау находится лагерь, где
заключенные работают на урановых руд-
никах. И что никто и никогда еще не
встречал зека, вернувшегося из Бештау-
ского лагеря. Конечно, этот «полукурорт-
ный» лагерь был крошечным по сравне-
нию с огромными урановыми рудниками,
находившимися там, куда никакой Макар
телят не гонял, и совершенно не доступ-
ными ни для какого глаза.

Их хозяином был Завенягин. И еще он
строил за Полярным кругом полиметал-
лические рудники, а затем заводы, где
эту руду обогащали, превращали в метал-
л. Тут одними рабами не отделаешь-
ся, даже выбрав из них порядочное ко-
личество инженеров, техников, ученых,
— там всего было. Приходилось за боль-
шие деньги звать на работу вольняжек из
России. И для них заключенные возво-
дили капитальные и удобные дома с горя-
чей водой, канализацией, газовыми и
электрическими кухнями, строили для
них клубы, где в непроглядную полярную
ночь «вольнонаемные» могли отдыхать в
зимнем саду, среди клумб, цветущих
даже зимой, смотреть кинофильмы, тан-
цевать под оркестр, собранный из пре-
красных музыкантов с большими сроками.
Впрочем, этот образцово-показа-
тельный город за Полярным кругом ча-
сто показывают на экранах наших теле-
визоров, как пример того, что — как и пе-
лось — можно действительно «сказку сде-
лать былью». Ну а о том, как эта сказка
превращалась в быль, ничего не оста-
лось. Кроме имени человека, который,
как считается, построил все это чудо.
Вот так в знаменитом стихотворении Не-
красова папенька объяснял сыну, что
Клейнмихель построил железную дорогу
между Петербургом и Москвой.

У нас нет никаких оснований считать
Завенягина железносердечным, очень
жестоким или садистом. Заключенные,
отбывавшие срок в лагерях Норильского
комбината, говорили, что Завенягин не
зверствовал; вылавливал из арестант-

Покаяться. Как Германия — за фашизм...

ской массы специалистов и
посылал их на работу по спе-
циальности, и кормил полу-
чше, и бытовые условия соз-
давал почти человеческие.
За ним никогда не шла репу-
тация человека, творившего
жестокость ради жестоко-
сти. Нет, нет, Завенягин был
вполне человекоподобным.

А почему только подоб-
ным, а не человеком? По-
тому что человеком его на-
звать у меня не поднимается
рука... Сколько жертв,
сколько же человеческого
жизней лежит на весах
этого образованного и спо-
собного человека?! Когда
нибудь (я в это верю со всей
силой убеждения!), откро-
ются архивы так называе-

мого «среднего машиностроения» и лаге-
рей урановой промышленности. Отчет-
ность там была отменной, а Оперативно-
чекистские отделы работали на совесть и
не давали начальству что-либо скрывать.
И люди узнают, как там жили и сколько
времени жили те, которые раньше были
людьми, а потом превращены в «лагер-
ную пыль».

«Лагерная пыль» — это выражение,
ставшее сейчас почти расхожим, часто
употребляемым, — ведь не художествен-
ная метафора, а совершенно точное
определение. Все эти арестанты, тыся-
чами и тысячами умиравшие в Печор-
ском лагере, — их не хоронили, а превра-
щали в пыль, в почву, которая отлича-
лась от другой, обычной, лишь тем, что
лабораторный анализ показывал в ней
большее количество белка. Их закапы-
вали в не очень глубокие ямы и через год-
два элементарный биологический про-
цесс превращал трупы в почву, в пыль. В
лагерную пыль.

А Авраамий Павлович Завенягин это
видел, видел своими глазами, внима-
тельно — как он это всегда делал — читал
все «докладные записки» и «спецдонесе-
ния»; он все, все досконально знал!
Можно ли сравнить Завенягина со Стали-
ным? Поставить их рядом? Конечно. Не
по масштабу убитых им, не по садистской
злобе, не по невероятному коварству, а
по другому гораздо более важному пока-
зателю: он не считал людей людьми.
Людьми, себе подобными. Людьми со
своей судьбой, неповторимой лично-
стью, множеством жизненных связей.

У палачей существует иллюзия пала-
ческой власти. И можно предположить,
что палач с лычками сержанта или пого-
нами лейтенанта, идя со взведенным пи-
столетом за приговоренным к смерти,
может думать: «Вот я вроде бы и никто,
совсем маленький человек, а ты извест-
ный всему миру человек — вождь там,
академик, артист, писатель, — и в твоей
голове всякие мысли, даже гениальные, а
сейчас я нажму курок, и ты превратишься
в кучу тухлой падали... Так кто из нас
сильнее?»

Прошу об"явить а/к. ЛАСКАР-
ЖЕВСКОМУ Николаю Исифовичу что
дело по обвинению его ВП СВБ

Выписка
Совещания при
от. 23.
ДУШАЛИ

Особые при

1. Рост *Сразу*
2. Телосл. *И*
3. Цвет волос *К*
4. Цвет глаз *К*
5. Нос *Дружел*
6. Пр. приметы

Семь миллионов расстрелянных за семь лет! По одному миллиону в год! И почти 13 миллионов не расстрелянных сразу, а отправленных погибать в лагеря. Но это ведь только до начала войны. А сколько же было с самого начала войны, во время войны, после войны — арестовано, расстреляно, загнано в лагеря? Количество расстрелянных в конце концов можно будет установить — все же положено было не просто убить человека, а подписать официальную бумажку, подтверждающую, что еще с одним человеком покончено.

А как же узнать точную цифру людей, убитых в лагерях? Эти лагеря — их были сотни! — рассыпались тифозной сыпью по всей без исключения территории огромной страны. И везде убивали. Где меньше, где больше, но убивали везде. Не пулей в затылок, не мгновенной смертью, а смертью мучительной, изнуряющей, но сопровождаемой свойственной человеку надеждой. У человека, которого ведет в подвал палач с пистолетом в руке, уже не могло быть никаких надежд. А у умирающих в лагере еще до конца, до самого конца, теплилась какая-то, пусть и незначительная, надежда выжить, уцелеть. Достаточно ли этого, чтобы считать сиюминутную смерть от пули предпочтительнее всем нечеловеческим му-

кам в «Архипелаге ГУЛАГ»? Не мне, уцелевшему, об этом судить.

Но для того, чтобы приоткрыть хоть краешек черной и плотной завесы, до сих пор прикрывающей тайны убийств в лагерях, я привел и прокомментировал всего лишь несколько документов. Всего лишь несколько из огромного количества сопровождавших жизнь и смерть человека в тоталитарном государстве.

Сейчас много пишут о том, чтобы составить книгу, — нет не книгу, а множество томов, где будут только одни фамилии людей, погибших в великой войне с немецким фашизмом. Благородная и прекрасная мысль! Но не требуют ли народная совесть и естественное продолжение такой великой работы составления многотомной библиотеки книг, где будут напечатаны фамилии всех тех, кто пал жертвой нашего собственного, отечественного фашизма?

Вот это и будет тем судом над всеми палачами — самыми большими и самыми маленькими, — которого требует голодная справедливость. Это и будет людской суд. Тот самый, о котором герой из великой драмы Пушкина говорил, обращаясь к убийце лишь одного человека, одного лишь мальчика:

«И не уйдешь ты от суда мирского, как не уйдешь от Божьего суда!»

АСПИРАНТУРА БИЗНЕСА УНИВЕРСИТЕТА ЛОЙОЛА (ЧИКАГО) И ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОГО МАРКЕТИНГА совместно с фирмой «БИКО»

ОРГАНИЗУЮТ УЧЕБУ В ЧИКАГО

Продолжительность обучения — 16 дней

В ПРОГРАММЕ:

- Менеджмент.
- Управление финансами.
- Управление персоналом.
- Маркетинг.
- Правовые вопросы бизнеса.

Предусмотрено посещение фирм, товарной биржи, деловые контакты, обширная культурная программа. По окончании обучения выдается сертификат.

Знание языка необязательно — группы обеспечиваются переводчиками.

Проживание в комфортабельной гостинице в центре Чикаго на берегу озера Мичиган.

Стоимость поездки — 4 тыс. дол. США плюс 7 тыс. руб. или эквивалентная сумма в рублях по курсу ниже биржевого.

В эту сумму входит:

- ♦ оформление выездных документов;
- ♦ транспортные расходы Москва — Чикаго — Москва;
- ♦ оплата гостиницы;
- ♦ питание;
- ♦ обучение;
- ♦ культурная программа;
- ♦ медицинская страховка;
- ♦ 600 дол. на карманные расходы.

Группы отправляются ежемесячно.

За справками обращаться в фирму «БИКО»

Адрес:

103031 Москва, Рождественский б-р, 22/23-5

Телефон: 925-97-35

Телефакс: 925-97-35

БИКО

Отрезанный ЛОМОТЬ

Кронид Любарский

Вновь обретенная свобода печати, поток эмигрантской литературы, эмигрантской публицистики, эмигрантских высказываний и оценок, половодьем разлившийся по страницам газет и журналов, вызвал у читателя «метрополии» чувство, действительно напоминающее опьянение. За сильным опьянением, увы, неизбежно похмелье — состояние, впрочем, весьма далекое от трезвости.

Лимонов и другие

Еще совсем недавно, год назад, впервые получив возможность свободно высказаться на страницах отечественной прессы (в «Московских новостях»), я просил оценивать эмигрантскую литературу, эмигрантское слово по тем же меркам, по которым оценивается слово, произнесенное здесь, в стране. Иная, нежели у «оставшихся», судьба (трагическая или счастливая — это вопрос оценки) не делает нас умнее и значительнее других, как, впрочем, не делает и глупее. Эмигранты — кусок, вырванный из плоти нации, и все свойства этой нации, ее талант и бесталанность, совесть и бессовестность, распределены по обе стороны границы в одинаковых пропорциях. Судить и уехавших, и оставшихся надо в одном ряду по гамбургскому счету. Это не парадокс: до тех пор, пока отношение к эмигрантам особое — пусть даже особо почетительное! — они остаются «отрезанным ломтем», частью, живущей отдельно от всей нации.

Поэтом я благодарен Алле Латыниной, которая в статье «Когда поднялся железный занавес» («Литературная газета» № 29/91) начала разговор на равных.

Но столь серьезный — и, кажется, первый — разговор, может быть, стоило начать не с Лимонова. Мне кажется, «феномен Лимонова» вообще нельзя рассматривать как чисто литературное или политическое явление. Появившись на Западе в 70-е годы, Лимонов уже тогда привлек к себе внимание не только «бесстрашным описанием» гомосексуальных актов, но и не менее «бесстрашным» разоблачением либеральных диссидентов — А. Сахарова, П. Литвинова — и инвективами в адрес разлагающегося капитализма. Так что его нынешние сентенции — отнюдь не игры enfant terrible, жelaющего эпатировать читателя в пику господствующему обществу мнению, сегодня на этот самый капитализм ориентированному.

Но что, пожалуй, еще более любопытно, — это то, что Лимонов был едва ли не

единственным эмигрантским писателем, еще во времена «расцвета застоя» удостоившимся сочувственного внимания советской прессы. Усомнившимся предлагаю поднять подшивки «Литгазеты» за конец 70-х — начало 80-х годов. Там вы обнаружите статью, размером почти в целую страницу, полную комплиментов в адрес «молодого писателя» и его литературного дебюта — романа «Это я — Эдичка». Да, да, того самого, знаменитого, с «бесстрашными описаниями»!

Как говорили в те годы в той же «Литературке» на 16-й странице: что бы это значило?

Разговор по гамбургскому счету об эмигрантской литературе стоило начать не с автора, числящегося совсем по другому ведомству, а с таких имен, как, например, В. Максимов или А. Зиновьев, отношение к которым так пока и не вышло из «эйфорической» стадии. Или, наконец, перестать ограничиваться заклинаниями о «колоссальной фигуре» А. Солженицына и осмелиться на честную профессиональную оценку его «Узлов», открытых теперь и для советского читателя.

Кто мечтает о новом занавесе?

Но вовсе не равный подход к слову, сказанному по ту и по эту сторону границы, проповедуют сегодня «метрополии». Наоборот. Линия раздела между «нашими» и «не нашими» проводится вновь и вновь и даже еще более жестко и бескомпромиссно. Обвинения в адрес эмиграции идут по нарастающей. Алла Латынина, например, выносит безжалостный и ясно сформулированный приговор: «И вот поднялся Железный занавес — и оказалось, что нас разделяет нечто большее, чем расстояние. Грубо говоря, мы, оставшиеся, хотим успеха всем этим реформам и чтоб злополучный занавес сгинул навек. Они, уехавшие (быть может, даже не всегда отдавая себе в этом отчет), хотят, чтобы реформы провалились к чертовой матери, а занавес сошел бы вновь. В этом — оправдание, почему они там, а не здесь».

Обвинение чрезвычайно серьезно, и естественно ожидать, что будут названы столь же серьезные факты, его подтверждающие. Между тем те — очень немногочисленные — примеры, которые часто сейчас приводят, могут иллюстрировать какие угодно грехи эмигрантов — легковесность суждений, тщеславие, оторванность от реальности, неудачность попыток прогнозирования, — но только не злостное эгоистическое желание провала преобразований в своей стране и воздвижения железного занавеса. Без фактов же подобные инвективы превращаются лишь в злую и недобросовестную инсинуацию.

Я утверждаю с полной ответственностью, что никто в российской эмиграции никогда не желал, чтобы реформы провалились и ситуация вернулась к временам железного занавеса. Это относится не только к тому кругу лиц, которых я могу назвать своими политическими едино-

Теряют ли они чувство реальности «за бугром» — эти эмигранты? Или приобретают новый опыт?

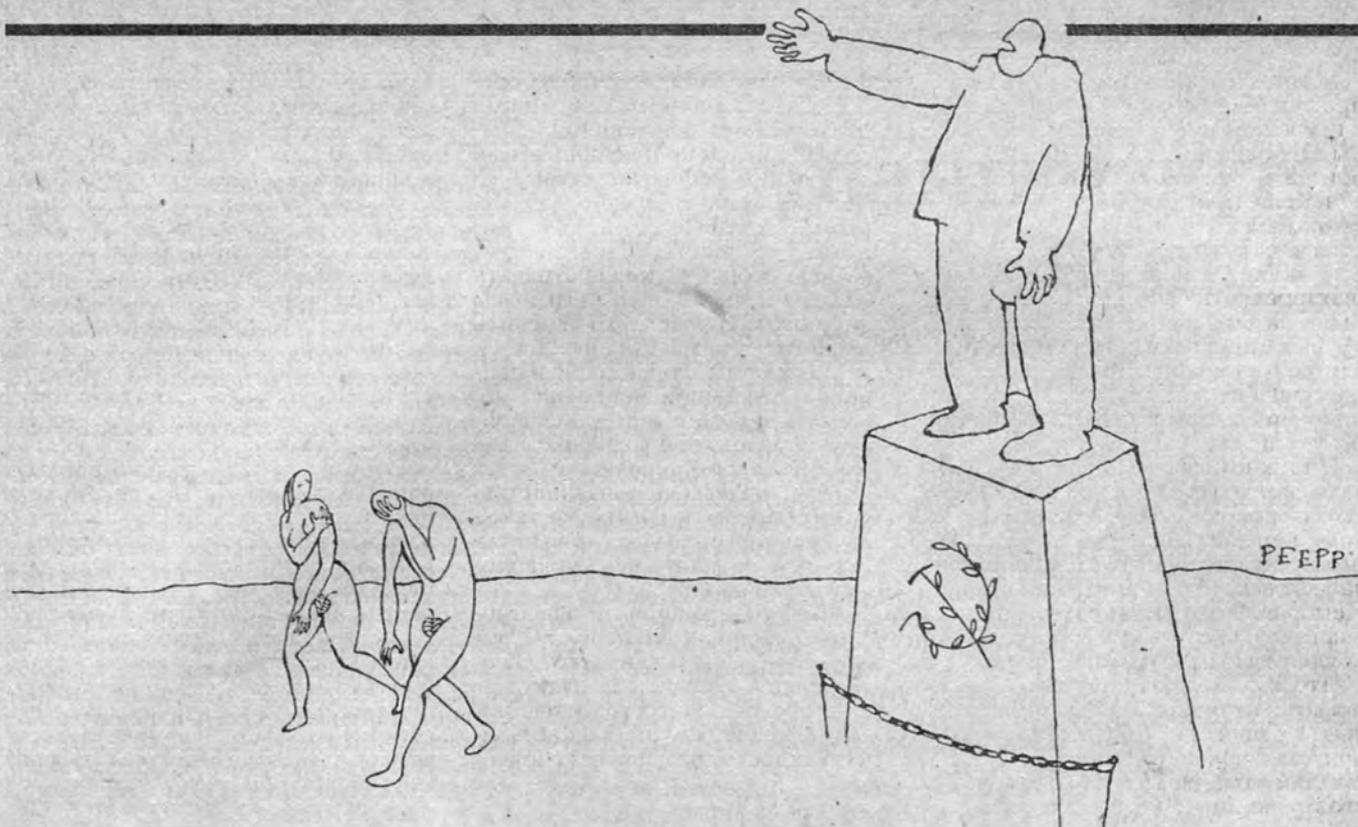

Рисунок Пьета Педмансона

мышленниками, но и к тем, чьи взгляды я совершенно не разделяю, к тем, с кем в свое время приходилось жестко и обидно спорить.

Да, было недоверие к тому, что «по инициативе партии» могут начаться действительно серьезные преобразования. Да, было опасение, вызванное заверениями в том, что нас в будущем ждет «больше социализма». Да, была убежденность в том, что действительно серьезные реформы могут быть осуществлены лишь на пути радикального отказа от самых основ отжившей системы — основ и политических, и экономических. И если говорить о желании провала, то, я думаю, было желание максимально быстрого провала экспериментов с реформами «в рамках социалистического выбора», ибо такой провал рано или поздно все равно неизбежен. Поэтому важно, чтобы он произошел скорее, ибо исторического времени на настоящие реформы нашей стране отпущено не так уж много, и, если в него не уложиться, наступит катастрофа.

Тогда, на заре «перестройки», все это было еще далеко не столь очевидным, хотя сейчас кажется общим местом, настолько общим, что даже неудобно его излагать на бумаге.

Эмигранты, как в свое время диссиденты, оказались еще раз правы.

То, что я только что написал, вовсе не означает, что я «хочу уверить других, что одна часть общества состояла из трусов, конформистов, рабов и недоумков, а другая, лучшая, устремилась в диссидентство, а потом — в эмиграцию». Все то, что писали и говорили эми-

гранты в начале «перестройки», я уверен, думали и говорили и очень многие «оставшиеся» — и «первых» тут не было вовсе. И по мере того, как «гласность» эволюционировала в свободу слова, продуманное и сказанное стало появляться и в печати «метрополии».

Когда весной этого года появились серьезные надежды на подлинную радикализацию реформ, когда на авансцену вышел «фактор Ельцина» (я, конечно, отдаю себе отчет, что дело не сводится к одному человеку), почти все эмигрантское сообщество объединилось в его поддержке. Я, пожалуй, не припомню, чтобы за многие годы эмигранты самых разных убеждений, подчас политические враги, были столь единодушны в своих открытых пожеланиях успеха курсу российского руководства.

Эмигранты не были и не претендовали быть «лучшей частью общества», они всегда были просто его частью, которую постигла иная, отдельная от других судьба. Но они еще были и устами молчащего общества, что, пожалуй, и есть одна из важнейших социальных функций эмиграции. По словам Николая Огарева, «только выговоренное убеждение свято».

И не дай Бог, если (во что я, впрочем, не верю) снова случится так, что «зажмут... измученный рот, которым кричит стомиллионный народ», эмиграция опять приступит к выполнению этой своей почетной и не такой уж легкой обязанности.

Впрочем, есть, возможно, причина, по которой суждения эмигран-

тов нередко оказываются более точными и прозорливыми, — причина, вовсе не связанная с каким-либо их интеллектуальным или моральным превосходством. Я думаю, почти каждому эмигранту приходится по тому или иному поводу выслушивать от жителей «метрополии» обвинения в том, что он «позабыл, в какой стране мы живем». Необычность эмигрантских суждений с невероятной легкостью объясняют утратой прежнего опыта. Я не знаю, почему никто не попытался взглянуть на дело с иной стороны и не сказал: «Маловероятно, что зрелые люди, впитавшие в себя реалии нашей страны с молоком матери, столь быстро утратили прежний опыт. Скорее дело в том, что они там приобретают какой-то **новый** опыт, нам здесь недоступный. Это интересно. Может быть, стоит послушать?»

Правозащитники или революционеры

Приводят еще один пример (если не считать все упомянутого Лимонова), подтверждающий недобросовестность политической эмиграции, — это Владимир Буковский. За высказывание во время визита в Москву о необходимости всеобщей политической забастовки Буковскому достается по первое число: «Не понимает, что происходит в стране. Теряют они чувство реальности за бугром, что ли... Это, может, из Кембриджа кажется, что как только все заводы остановятся, так с неба булки посыплются».

Я тоже думаю, что в то время и при тех обстоятельствах выступать с призывом к всеобщей забастовке было неправильно. Но нельзя не признать, что определенные зоны для такого призыва у Буковского были — например, что он приехал в Москву весной 91-го, когда во всю мощь развернулись по стране шахтерские забастовки, свежа еще была память о вильнюсской резне, правые мобилизовали свои усилия, чтобы «остановить Ельцина», начал наступление на мирное население премьер Павлов, а до Ново-Огарева было еще далеко...

И можно было бы напомнить, что за несколько дней до своей кончины А. Сахаров совместно с пятью другими народными депутатами также призывал к всеобщей политической забастовке. А он находился не в Кембридже, а в Москве и наверняка знал, что в результате его призыва «булки с неба не посыплются».

Что ж, и Сахарова «переведем» из правозащитников в правые (или левые?) радикалы? Если же нет, то придется признать, что и правозащитник может рассматривать забастовку как законный способ борьбы.

Сейчас же, когда путчисты пытаются захватить власть в стране, забастовка оказалась единственным возможным и законным путем сопротивления. Именно поэтому к ней призвали президент и премьер России.

Не надо смешивать два понятия: «правозащита» и «законопослушание». Если бы они действительно были тождественными, тогда единственным подлинно «правозащитным» текстом осталось бы изречение апостола Павла: «Всякая душа да повинуется властям предержащим». К сожалению, и закон может быть неправовым, и история дала тому немало примеров.

Понятие «неправовой закон» включает в себе противоречие, которое далеко не всегда может быть разрешено внутри себя самого. Бывают ситуации, когда приходится выходить за его пределы. Для революционера этот выход состоит в восстании. Правозащитник ищет иные пути.

По одну сторону этой черты: «дело прочно; когда под ним струится кровь». По другую — ненасильственное сопротивление: гражданское неповиновение, Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг. Здесь же находятся и забастовки. Забастовка не есть насилие. Свободный человек отказывается своим трудом поддерживать власть, не соблюдающую собственных законов или издающую неправовые законы. Впрочем, ничего нового я тут не говорю. Демократическое устройство общества в современных западных странах не всегда было таким. В немалой степени оно сложилось именно

под влиянием забастовочной борьбы, возглавленной независимыми профсоюзными движениями. Сейчас мы называем пройденный этими странами путь реформистским.

Хочу сделать еще одно замечание, предварив его цитатой:

«Опыт прошлого... показывает, что люди скорее склонны страдать там, где страдания выносимы, чем использовать свое право и отменить привычные формы (правления. — К.Л.). Но когда целый ряд оскорблений и узурпаций, неизменно направляясь к одной и той же цели, выявляет замысел правительства — подчинить народ абсолютному деспотизму, правом и обязанностью народа становится свергнуть такое правительство и создать новую систему для обеспечения правопорядка в будущем».

Это из «Декларации независимости Соединенных Штатов». С такого текста, выражающего абсолютно неправозащитную идею, началось построение государства, пожалуй, больше, чем любое иное, заслуживающего называться правовым.

Почему они не возвращаются?

Впрочем, я был неправ, говоря, что обычно не приводят никаких аргументов в пользу утверждения, что эмигранты желают провала реформ и возвращения железного занавеса. Один-единственный, но зато чрезвычайно серьезный аргумент не только приводит, но и подробно его рассматривают: до сих пор никто из эмигрантов не вернулся.

Точнее, «если не считать двух-трех знаменитостей, согласившихся получить московские квартиры». Я мог бы придумать, конечно, к словам «согласившиеся получить»: квартиры им не великодушно преподнесли, а просто вернули незаконно реквизированное в свое время. Мог бы вспомнить и кое-кого помимо «московских знаменитостей»: Паруйра Айрикяна, активно включившегося в политическую жизнь своей республики и ставшего депутатом парламента, писателя Миколу Руденку, вернувшегося в свой родной Киев, поэта Юрия Кублановского, который, кажется, практически снова заделался москвичом, не дожидаясь преподнесения квартиры (ее, помнится, и не было у него — жил в сторожке у церкви)... Мог бы, но не стану. Самое главное, что в основе своей констатация правильна — практически никто не вернулся.

И в качестве упрека нам приводят в пример польских и чешских эмигрантов, которые сейчас ринулись защищать свободу у себя дома. Ситуация в Польше и Чехословакии и близко не напоминает (в этом отношении) ситуацию в Советском Со-

юзе. Польских эмигрантов вообще никогда, даже в самые тяжелые времена, не лишали гражданства. Поэтому, как только стало ясно, что на родину можно вернуться без риска быть арестованным или интернированным, вся проблема возвращения свелась для них лишь к покупке билета на ближайший поезд до Варшавы. Поляк и «при социализме» мог, не теряя польского гражданства, получить еще и канадское, и перуанское, а когда социализм перестал бить, приехать на родину и свободно баллотироваться в президенты страны (я сейчас не обсуждаю личностность Тыминьского, а лишь напоминаю, что никаких юридических проблем с выдвижением его кандидатуры не возникло).

Чехов — да, тех гражданства лишали. Но прошло всего несколько недель после «бархатной революции», и правительство республики извинилось перед эмигрантами, попросило их «забыть обиды и допустить по отношению к ним несправедливости» и вернуться, чтобы «помочь обновлению страны своим опытом и средствами».

У нас же и тут «особенная статья». Шесть лет прошло, как началась «перестройка», переросшая уже во «вторую русскую революцию», как ее называют на Западе, и что же с эмигрантами? Двум-трем десяткам человек президентским указом персонально вернули гражданство — из числа тех двух сотен, кого в свое время персональными же указами и лишали. Извиняться, впрочем, не стали. Остальным предложили обращаться с индивидуальными ходатайствами.

Но кроме этих двух сотен есть еще несколько сотен тысяч, лишенных гражданства втихую, без всяких индивидуальных указов, автоматически, по принципу коллективной вины, как «выехавших в государство Израиль на постоянное жительство». Неважно, кто они были по национальности — евреи или русские, украинцы или татары, неважно, куда они ехали в действительности — в Израиль или в Америку, в Германию или во Францию... Перестали лишать гражданства лишь совсем недавно — в этом году, с первого июля! А до этого до самого последнего дня, еще в июне — вы вдумайтесь! — лишали гражданства.

Перестали лишать в связи с принятием нового Закона о въезде и выезде (спасибо поправке Джексона-Вэника) и в связи с тем, что Комитет конституционного надзора признал применявшийся при этом секретный указ незаконным — противоречащим и Конституции, и советскому праву, и ратифицированным нами международным пактам. Но как же с теми, кто уже утратил гражданство — с 1967-го по 1991-й? А никак. Обратной силы отмене указа не придано. Кто хочет, может

индивидуально просить о восстановлении гражданства, а уж они там будут решать — восстановить или нет. Смысл слов «человеческое достоинство» власть забыла давно.

А пока эмигрантам милостиво разрешено «посещать» родину по туристским или иным визам. Но не всем. Если человек «в списке» — а те, кто «за свободу слова боролся», они-то как раз все там, — то виза ему не может быть выдана. А если не выдать почему-либо невозможно — едет, например, человек в составе международной делегации, — то только по специальному разрешению «сверху», иногда — с «самого» верха. Притом, если визу выдали один раз, то вовсе не обязательно, что ее потом выдадут и в другой.

И не думайте, что виза выдается для въезда в страну. Она действительно только для указанных в визе населенных пунктов. Шаг вправо, шаг влево... нет, уже не стреляют без предупреждения, но «выдворить за нарушение визового режима» могут. И выдворяют. Последний такой случай — кажется, в начале этого года.

«Мы» и «вы»

Для эмигрантов железный занавес еще не пал. Да, эмигрантские произведения заполнили страницы советской прессы. Но это не значит, что читатель «метрополии» может составить себе ясное представление, что такое эмигрантская пресса, эмигрантская культура...

На страницах эмигрантской прессы вы, например, не найдете возмутительной политической болтовни Лимонова — уважающий себя редактор не допустит. Те давние лимоновские «политические» экзерсисы, о которых я упоминал, были вкраплены в его «сексуальные» писания, продавались в виде нагрузки к ходовому товару. Написал было Лимонов отдельную статью под названием: «Почему мне неприятно, когда меня называют диссидентом?» Статья не была опубликована ввиду отсутствия предмета обсуждения: Лимонова диссидентом здесь не называет никто.

Так что, принимая бытующее в этой стране деление на «мы» и «они», поразительно похожее на ставшее знаменитым «наши» и «не наши», я бы сказал: «Это не мы захватили вашу прессу. Это вы берете от нас то, что сегодня вам кажется нужным».

Да и для бросания чепчиков в воздух вам вовсе не обязательен эмигрант. На отечественном материале это получается не хуже. Если вы уже забыли явление Гдьяна народу, то Жириновский, похоже, скоро освежит вашу память».

«Если вы действительно самые смелые, самые честные, самые луч-

шие, — обращаются к эмигрантам, — что ж вы так упорно желаете не блага оставшимся, а награды себе?».

Кто и когда требовал награды и какой именно? Какую «награду» имеют в виду? Высокие посты? Почетные звания? Ордена на грудь? Денежное вознаграждение?

Похоже, «наградой» называют признание того, что «мы первыми сказали, что король гол».

Помнится, еще на заре «перестройки», когда контакты «метрополии» с эмиграцией только-только налаживались, мне случилось, обращаясь к делегации советских писателей, просить их о содействии в освобождении политзаключенных. Я напомнил, что сидят они именно потому, что раньше других сказали то, что сейчас говорит каждый. Мои слова на той встрече тоже были расценены как попытка примазаться к чужой славе и потребовать за то награды.

Освобождение из тюрьмы — награда?!

Сейчас нечто похожее происходит и в отношении эмигрантов.

Нынешней, корыстной, жадущей наград эмиграции противопоставляют ту эмиграцию, катившую в голодную, разоренную войной Россию, которая была все-таки идейной эмиграцией. Конечно, при этом делаются все необходимые по новым временам оговорки о вине за Октябрь и его последствия.

Не буду напоминать, что в эйфорическом апреле 1917-го Россия вовсе не была так уж разорена и голодна, а когда такое время действительно наступило, никто в Россию более не «катил» — катили в противоположном направлении (а кое-кого вышвыривали, как Бердяева, Франка, Сорокина, Айхенвальда, Осоргина, Кизеветтера и многих других).

Но одно напомнить все же придется, ибо это имеет прямое отношение к вопросу о «наградах»: та «злополучная» эмиграция катила **братья власть**. И взяла ее. А взяв, довольно быстро рассталась с собственными же идеями.

Диссидентов-правозащитников (в том числе вытолкнутых в эмиграцию) в свое время долго и упорно обвиняли, что они «рвутся к власти». Андрея Дмитриевича Сахарова «Комсомольская правда» тогда даже назвала «несостоявшимся Цезарем». Если я не ошибаюсь, то, кажется, только один Сергей Ковалев все-таки «дорвался до власти». Сидит сейчас в российском парламенте, «заведует» правами человека.

Так что же с «ними» делать?

Вывод, который делается в «метрополии», безжалостен: мы разделены на участников истории и зри-

телей, интересы участников и зрителей не совпадают.

Я искренне желаю, чтобы никогда никому не пришлось проверять на личном опыте справедливость всех этих упреков. Это ведь только после туристских визитов на «парижские кухни» и в «милые православные дома в Нью-Йорке» кажется, что эмиграция — это всего лишь место, «где нет очередей, где просторный дом вместо двух комнат в московской пятиэтажке, где высоко оплачиваются твои математические способности, твой коммерческий талант...». Все это есть, да. Но не дай ей Бог познать тоску повесившегося литератора Анатолия Якобсона, так до сих пор по большому счету и не востребованного на родине, или выбросившегося из окна историка Владлена Павленкова, все свои прожитые в Америке годы отдавшего борьбе за то, чтобы хоть почтовая связь эмиграции с «метрополией» была мало-мальски нормальной.

У проблемы эмиграции существует одно и только одно цивилизованное решение. Проблему эту надо просто снять, предоставив каждому возможность спокойно вернуться. Или не вернуться. Решить за себя самому. Так, как это сделали чехи.

Многие ли вернуться? Наверное, немногие, может быть — очень немногие. Эмиграция в большинстве своем действительно была экономическая. Эти люди не вернуться — так бывало всегда. Ведь одновременно с так называемой «идейной эмиграцией» не вернулись назад в Россию короленьковские крестьяне «без языка», духоводы из США, литовцы из Чикаго, украинцы из Канады и Бразилии.

Вернется только наиболее социально активная часть, и наверное это будут не худшие люди России. Но и те, кто не вернется, перестанут быть эмигрантами — по крайней мере в том сугубо политизированном смысле слова, какое оно имеет у нас сегодня. Это будут просто российские люди, которые по каким-то своим личным причинам предпочитают жить за рубежом.

Только тогда исчезнет существующее ныне неравенство положений и окажется возможным гамбургский счет в оценке и литературы, и идей, и личного поведения. Ведь написанное Гоголем или Тургеневым ценится нами вовсе не потому, что эти тексты созданы ими в Риме или Париже.

А ведь нехитрая мысль, и нет в ней ничего оригинального: общество не может быть правовым и справедливым, если право и справедливость нарушены для какой-то его, пусть и небольшой, части. Но по всему похоже, что этой простой мысли еще предстоит пробивать себе дорогу.

МЮНХЕН

Порядок в сумасшедшем доме?

Проект закона о психиатрии: пусть народ доказывает, что он здоров

Семен Гурвиц,
член Независимой психиатрической ассоциации

Уже через несколько дней после публикации в «Медицинской газете» проекта Закона СССР о психиатрической помощи мне позвонил мой многолетний знакомый. Врач был разгневан:

— Это ваших рук дело? Ну и затворили...

Я действительно входил в рабочую группу специалистов, разрабатывавших проект в подкомитете Комитета по законодательству и правопорядку Верховного Совета СССР. Но претендовать на личное авторство — ни в коем случае: нас было четырнадцать психиатров и юристов. Четверо психиатров, в том числе и я, представляли Независимую психиатрическую ассоциацию. И далеко не все наши идеи вошли в окончательный вариант законопроекта. Поэтому на заседании Комитета по охране здоровья народа Верховного Совета СССР, принимавшего проект, нам пришлось выступить с особым мнением.

Теперь, когда проект обнародован, мы считаем себя вправе рассказать о том, с чем не согласны. Может быть, будет меньше негодовующих звонков.

Все семь месяцев работы над законом мы стремились преодолеть профессионально-ведомственные рамки первоначальной редакции и придать закону более универсальный характер — сделать его законом, защищающим права всех и каждого.

Мы считали и продолжаем считать, что, как ни важна социальная защита тех, у кого имеются отклонения в психическом здоровье, еще важнее, чтобы уважалось человеческое достоинство всех без исключения граждан в тот момент, когда они сталкиваются с психиатрической службой.

Ведь понятие «психиатрическая помощь» не должно сводиться к пресловутому «учету» в диспансерах

(кстати, в официальных документах этот товарно-складской термин не употребляется с 1988 года) и насильственному заточению в психиатрические больницы. Разного рода психиатрические экспертизы — судебная, трудовая и военная, консультации у психиатров врачей других специальностей, необходимые иногда для установления правильного диагноза, различные профессиональные осмотры, если участие в них психиатров предусмотрено специальным положением, заключение в школы и органы опеки — все это психиатрическая помощь. Существуют еще десятки других обстоятельств, когда человек вынужден обращаться к врачам нашей достаточно узкой специальности. И диагноз «психически здоров», решение «работать (учиться, проживать в общей квартире и тому подобное) может» ставятся намного чаще, чем противоположное заключение. Так что такого рода психиатрическая помощь оказывается десяткам миллионов людей.

Плохо, если все эти люди, ознакомившись с проектом закона, ничего для себя из него не вынесут — поймут его только как законодательное урегулирование отношений между врачом-психиатром и пациентом. Жаль, если они увидят в нем только попытку «навести порядок в сумасшедшем доме». Споры нет, этот порядок давно уже надо было навести. В ООН по этому поводу давно сформулированы соответствующие принципы. Мы же, как всегда, отстаем на несколько лет.

Но смысл закона, принимаемого обществом, на самом деле глубже: он регулирует отношения между обществом и психически больными или теми, у кого психическое заболевание только предполагается. А отношения эти приобрели у нас не только нецивилизованные, а совершенно уродливые формы. Наперекор законам, указам, приказам, приличиям и просто здравому смыслу право контроля за психическим здоровьем общества присвоила себе «власть на местах». Для нее психиатрия и психически больные пред-

ставляются чем-то ужасным и нередко угрожающим. Отделы кадров, приемные комиссии, бюро по обмену жилищной площади чаще всего при попустительстве, а иногда и с благословения органов здравоохранения — здравпунктов ПТУ, медсанчастей промышленных предприятий, ведомственных поликлиник, в составе которых нет психиатров, — свято блюдают чудовищную презумпцию психического нездоровья. Руководствуясь ею, они гонят всех подряд в психиатрические диспансеры за письменными доказательствами того, что человек «на учете не состоит».

Психиатры же, конечно, гуманны. Врачи в диспансерах охотно идут людям навстречу, никому не создают бюрократических препон, любезно раздают справки направо и налево: ничего ведь особенного, сущая формальность, чистая же правда — не состоят, так не состоят. Однако «гуманизм» этот на самом деле поддерживает мерзкую практику тотальных проверок на «психическую благонадежность».

Только презумпция психического здоровья, как основополагающий принцип нового закона, способна раз и навсегда покончить с обывательским разделением общества на «состоящих» и «не состоящих», оградить людей от постоянного унижения доказывать, что они не больны.

Мы с первого дня доказывали, что надо выделить вопрос о презумпции психического здоровья отдельной статьей. Чтобы было четко установлено: каждый гражданин этого государства — психически здоров, пока иное не определено в установленном законом порядке. Чтобы никто никому не обязан был отчитываться в своем психическом здоровье и никто не имел права такой отчет потребовать (за исключением случаев, оговоренных в законе). Чтобы был положен конец массовому унижению народа бесцеремонным и грубым вмешательством чиновников всех уровней и рангов в личную жизнь человека. Чтобы свободно вздохнули и больные, и здоровые.

Ради этого мы требовали, во-первых, изменить само название закона. Вот наши варианты: «Закон о защите гражданских прав при оказании психиатрической помощи», «Закон о социальных гарантиях при психиатрической помощи», «Закон о соблюдении прав человека при оказании психиатрической помощи». Ни один из этих вариантов не был принят.

А если бы уже в названии закона речь шла о правах человека, то, может быть, и тональность его была другая. Не гуляло бы по нему слово-

сочетание «лица, страдающие психическими расстройствами». Не только потому, что далеко не все психически больные ощущают себя «страдающими». Оберегая с самыми благими намерениями права этих лиц, проект закона в то же время своей назойливой терминологией вкалывает в массовое сознание — как и те диспансеры, что охотно штампуют «на учете не состоит», — убежденность: есть все-таки отличное ото всех прочих граждан ущемленное и неполноценное меньшинство; его, конечно, надо жалеть, но, с другой стороны, и опасаться. К тому же корни нелепейшего представления о том, что каждый психически больной опасен, очень глубоки. Его придерживаются не только широкие массы трудящихся. Оно закреплено законодательно. В Основах Законодательства СССР о здравоохранении 1969 года есть статья 36, которая причисляет психические заболевания — все без исключения! — к представляющим опасность для окружающих. Эта статья, как и Основы Законодательства, действует по сей день.

Между тем многолетняя судебная статистика показывает, что общественно-опасные действия психически больных — капля в море, ничтожные доли процента как среди наблюдаемых больных, так и среди ненаблюдаемых в повсеместном разгуле преступности, охватившем страну.

Кстати, может быть, самое важное, чего добилась Независимая психиатрическая ассоциация в работе комиссии по подготовке закона, — исключения фразы «защита граждан и общества в целом от опасных действий психически больных» из первой статьи, где эта формулировка значилась как одна из задач закона. Конкретная тактика психиатров, когда речь идет о непосредственной угрозе жизни окружающих или больного вследствие его психического расстройства, оговорена отдельно в специальных статьях. Придание же всей медицинской психиатрической службе в качестве одной из основных функций охрану общественного порядка — совершенно ни к чему.

Но сильно, очень, видимо, сильно в нас еще полицейское мышление, тоска по старым временам, когда инструкции о неотложной госпитализации предоставляли полный простор для произвола. Даже главный психиатр Москвы на совещании руководителей

Рисунок Игоря Смирнова

психиатрических лечебных учреждений города вновь заговорил о необходимости «предупреждения общественно опасных действий психически больных»...

Если бы презумпция психического здоровья легла в основу закона, то такая постановка вопроса — выделение из числа всех граждан некоего опасного для других меньшинства — была бы невозможна. Чтобы разрушить и похоронить эту сегрегационную, близкую к расистской концепцию, мы, например, отстаивали совершенно другое название Статьи 5: не «Права лиц, страдающих психическими расстройствами», а «Психическое здоровье и гражданские права». Первая ее часть должна была, по нашему мнению, начинаться словами: «Все граждане, независимо от отклонений в психическом здоровье, обладают всеми конституционными правами...»

Но с нами не согласились. Презумпция психического здоровья, правда, долгое время значилась в текущих вариантах. Но исчезла к концу работы над проектом закона. А осколки ее поместили в Статью 16: «Ограничение прав

лиц с психическими расстройствами».

Тогда же, в самые последние дни работы над проектом, во второй части Статьи 16 появилась замысловатая и косноязычная фраза, ставящая под угрозу спокойствие многих людей: «Лица, которые вследствие выраженных психических расстройств не могут самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности и возможность дать осознанное согласие на оказание психиатрической помощи...» Раньше в статье было написано: «Вследствие выраженных психических расстройств, находящихся, в результате отказа от психиатрической помощи, существенный вред своему здоровью, а также моральный и материальный ущерб себе и окружающим...»

Речь идет о большой группе больных, которых Указ от 5 января 1988 года оградил от госпитализации без их согласия, так как их поведение не представляет непосредственной физической угрозы для себя и окружающих. Указ, оставив их дома, обрек таких больных на жизнь впроголодь. Многие из них не проходят ВТЭК и не получают пенсии, считая себя здоровыми и трудоспособными. Поскольку они не являют собой социальной опасности, они должны жить с родственниками, а те, по указу, вынуждены терпеть бытовые трудности и неудобства. Зачем же опять давать такую ее расплывчатую формулировку? Ведь закон, с другой стороны, предусматривает все-таки госпитализацию таких больных — только по решению суда.

Вот те основные принципиальные соображения, которые Независимая психиатрическая ассоциация изложила в особом мнении. Мы считаем, что если оно не будет учтено при вынесении законопроекта на сессию Верховного Совета СССР, если сугубо профессиональное в законе (что можно и что нельзя психиатру и как больному обороняться от врача) превысит общечеловеческое, то в психиатрической службе надолго еще останется лазейка для беззакония.

И может быть еще страшнее — останутся неизменными нравственные деформации общественного сознания, в котором дискриминационные тенденции по отношению к психически больным людям занимают далеко не последнее место.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Американцы знают Майкла Харрингтона в двух ипостасях. Во-первых, как социолога. Во-вторых, как одного из лидеров социалистического движения в Америке. Правда, относительно слабые позиции социалистов и социал-демократов в США, может быть, и не являются в общественном сознании страны лучшей рекомендацией для политика и ученого. Однако репутация мастера «социальной диагностики» сделала Майкла Харрингтона авторитетом даже среди противников. Большой резонанс имели работы Харрингтона в среде американской леволиберальной интеллигенции. Заметим мимоходом и такой любопытный факт: хотя прямое политическое влияние социалистических и социал-демократических группировок в США крайне невелико, они не-

редко играют роль «детонатора» общественного мнения, указывая как на сами проблемы, которые надо решать, так и на возможные пути их решения. При этом идейно-политические пристрастия имеют весьма малое значение — важнее конкретные и прагматические подходы. Свой прагматизм Харрингтон, однако, сочетал с интересом к работам в области теории социализма. И хотя при этом он демонстрировал больше веры, чем рационализма и логики, он полагал, что реализация социалистического идеала не может быть достигнута автоматически в ходе социальной эволюции, а возможна лишь в результате сознательной реформаторской деятельности. Истоки социалистической веры Харрингтона скорее всего лежат в его происхождении: сын католического священника, он в юности долго находился под влиянием идей христианского социализма.

Майкл Харрингтон с молодых лет до конца своих дней

оставался приверженцем социалистического идеала. В юности он работал вместе со «старыми» социалистами, в частности с патриархом американского социализма Норманом Томасом. В начале 50-х годов он принимал участие в социалистическом молодежном движении, а через 20 лет стал сопредседателем партии демократических социалистов Америки. Международная известность сделала его одним из лидеров Социинтерна.

Политические, социальные и экономические проблемы США он отразил в своих работах, в числе которых первой известной стала «Другая Америка» (1962). Эта книга разрушила идиллию «общества изобилия» и привлекла внимание братьев Кеннеди, дав импульс их «мозговому тресту» при разработке программы «войны с бедностью» в США. Советы М. Харрингтона высоко ценились организаторами избирательных кампаний демократов. В своей работе «Социализм» (1972 г.)

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

М. Харрингтон доказывал, что К. Маркс — не революционер-испробователь, а скорее эволюционист. Майкл Харрингтон считал, что социалистическое движение, только избавившись от ошибок прошлого, способно осуществить надежды людей. Наследник европейской социалистической традиции, Харрингтон попытался с другого берега Атлантики разглядеть другие берега социализма.

Предлагаем фрагменты последней книги М. Харрингтона «Социализм: прошлое и будущее» (1989).

Публикацию подготовил
Ю. А. Демченко

Социализм: другие берега

Майкл Харрингтон (1928–1989)

Социализм? Что это? Воспоминания о преисполненных страсти молодых людях, живших 100 лет тому назад? Но что в этой ностальгии для нашей сегодняшней жизни? Я же думаю: социализм — это надежда на человеческую свободу и справедливость и те беспрецедентные по качеству условия жизни, которые человечество увидит в XXI веке...

14 июля 1889 года — в этот день зарождающиеся социалистические партии собрались в Париже на празднование столетия взятия Бастилии — можно считать датой, начиная с которой идеи социализма стали с полным основанием восприниматься всерьез. Социализм уверенно объявил себя наследником великих буржуазных революций, движением, выполняющим обещания «свободы, равенства и братства», которые не могли быть выполнены в рамках капитализма. Партии создавались везде — в Европе и в Австралии, Новой Зеландии, в Латинской Америке, Канаде и в США. Ветер истории наполнял паруса движения, и многие капиталисты боялись, что у социализма большое будущее.

Спустя столетие социал-демократические партии Европы, Латинской Америки, Канады и стран Тихоокеанского бассейна становятся важной политической силой — будь то в правительстве или в оппозиции. В то же время ни одна из этих партий не имеет точного представления о том, что же все-таки означает социализм. При этом они часто оказывались более гуманными и дельными попечителями капитализма, чем сами капиталисты. Идея о триумфе рабочего класса, перестраи-

вающего общества снизу доверху, оказалась несостоятельной в условиях любой из развитых стран. В самом деле, рабочий класс — однородный и объединенный революционной классовой солидарностью — никогда в действительности не существовал. Теперь появились и новые социальные реалии, так как мировая экономика и ее многонациональные корпорации начали диктовать политическое и экономическое поведение ранее независимым национальным государствам. Сто лет назад социалисты получили власть. Но в то же самое время они пребывали в совершенном неведении, как применять свои идеалы к миру, совершенно не предусмотренному их философией. Вернер Зомбарт, позднее ставший ярким врагом социализма, в 1909 году писал, что одной из наиболее впечатляющих вещей на социалистических съездах было то, как участники пели «Интернационал» в унисон. «Их головы могли время от времени двигаться асинхронно, сердца же их бились вместе», — писал он. А вот на съезде Социинтерна в Англии в 1969 году участникам пришлось звонить в штаб-квартиру, чтобы узнать текст «Интернационала», так как очень многие делегаты не знали слов. Но оказалось, что слов не знали и организаторы.

В то же время существуют якобы народные режимы, решительно проводящие политику подавления свободы. Такое подавление — необходимое условие их существования, они являют собой классовые общества, живущие по принципу неравенства, но лишь объявляющие себя социалистическими. И это является более болезненным для социализма, свободы и справедливости, чем неспособность западных социалистов сформулировать

свои цели — не говоря уже о том, чтобы их достичь.

И тем не менее — это главный мой тезис — политический импульс и движение, предоставленное сбитыми с толку полустолевыми социал-демократическими партиями, продолжает быть основной надеждой на свободу и справедливость. Даже сейчас внутри этих партий предпринимаются робкие попытки дать определение социализму. И возлагая свои надежды на существующее социалистическое движение, я не возвращаюсь к абсурдной догме, говорящей о социализме как о строе будущего, о неизбежном типе организации общества в XXI веке. Нет гарантии триумфа социализма, также как нет гарантий того, что в будущем столетии свобода и справедливость сохранятся. Все, что я утверждаю, это только то, что, если они сохранятся, социалистическое движение станет решающим фактором развития. Я кроме того думаю, что судьба человеческой свободы зависит от развития социальных и экономических структур. Это второй мой тезис.

Он основывается на идеях, выдвинутых Джоном Локком, Адамом Смитом и Карлом Марксом. Включенные эти имена в один ряд не является еще одним толкованием Маркса или марксизма... Маркс был демократическим социалистом, просто его методология была сведена к абсурду так называемыми марксистами в той же мере, что и антимарксистами. Все сторонники великих достижений капитализма и, что более важно, сторонники социализма, как Маркс, понимали, что между социальной структурой и ценностями свободы и справедливости существует связь...

Я хочу исследовать возможные результаты изменений политических и экономических структур. Но в то же время этот тезис не означает отказа от великого согласия между правыми и левыми по вопросу о том, что капитализм был важным элементом роста свободы и справедливости.

Единственным необычным аспектом этого устойчивого предствления является то, что его можно применить как к будущему, так и к прошлому. Большинство людей, повторяющих стандартную историю, о которой я только что говорил, не спрашивают себя, можно ли обратиться к этому типу отношений между социальной, политической и экономической структурами во времена теперешних изменений, в момент более радикальных изменений условий человеческой жизни, чем все, что происходило в XVII и XVIII веках.

Все это приводит меня к третьему тезису: переживаемая нами сейчас революция создает социальную и политическую обстановку, которая без демократического контроля снизу низвергнет надежды на свободу и справедливость, которые капитализм хоть и неохотно, но все же поощрял...

Ленин во время, предшествовавшее Октябрьской революции, и в последующий сразу за ней период был серьезно озабочен утопическим планом начать уничтожение государства немедленно. Эта стратегия основывалась на эйфорической попытке сделать динамичную — и очень демократичную — энергию Советов принципом каждодневной жизни. Советы впервые появились во время революции 1905 года как собрания на производственной основе. Все рабочие той или иной фабрики создавали свои Советы, а затем различные Советы объединялись в городские Советы. Во время событий 1917 года эта организационная форма стала одним из важных источников жизненной силы революции... Партия, однако, вытеснила Советы. Ленин в самом деле пытался создать централизованную и жестким образом контролирующую партию, но в 1917 году большевики кипели от споров и разногласий, так что Ленину

пришлось бороться с внутренней оппозицией, отстаивая свою точку зрения... Идея Советов не являлась целиком русским изобретением. Ее интеллектуальные корни заложены в работах Сен-Симона, который видел общество, управляемое функциональными группами на промышленной основе. Были также и испанские анархо-синдикалисты. В США носителями этих идей были члены организации «Промышленные рабочие мира» и последователи Даниеля де Леона, в Британии — гильдейские социалисты... Приверженцы гильдейского социализма, например, выступали против этатистской версии национализации собственности, то есть ее государственствления, что предлагал Каутский. «Гильдейцы» выдвигали идею непрямого подчинения непосредственного производителя парламентской республике. Цель была — небюрократическая форма социалистической собственности, создающейся снизу вверх. Идея — вполне уместная и в XXI веке...

Вступив в союз с Бухариным и разгромив Троцкого

во имя ленинского принципа защиты интересов крестьян, Сталин вскоре принял политику эксплуатации тех крестьян, по отношению к которым политика Троцкого выглядела гуманной и умеренной. Сталин в самом деле нашел путь осуществить значительную индустриализацию за какой-то десяток лет путем введения тоталитарной силы правления, опирающейся на крестьян

и рабочих, на социальные классы, доминировавшие в обществе. Как об этом с удивительной прямотой было написано в вышедшей под прямым руководством Сталина книге, это была «революция сверху»... Основные структуры такого «социализма» существуют и по сей день, правда не в таких жестких формах.

Между 1929 и 1934 годами советское крестьянство было насильно организовано в колхозы. Против крестьян вели настоящую гражданскую войну, которую Сталин в беседе с Черчиллем сравнил по разрушениям с войной против нацизма. На вершине этого процесса Сталин объявил, что богатые крестьяне, которые укрепились при НЭПе, должны были быть уничтожены как класс; не вступивших в колхоз репрессировали на том основании, что они якобы воровали у колхозов продукты. Зерно же должно было экспортироваться за рубеж за твердую валюту, чтобы закупать оборудование за границей, несмотря на то что люди страдали от голода. Возмущенные крестьяне ответили на это уничтожением скота. Голод 1932 — 1933 годов, который стал прямым следствием этой политики, унес 5 миллионов жизней, еще 5 миллионов были потеряны до и после этой трагедии; более половины лошадей и 2/3 овец и коз пали...

В этом была мрачная и злоецающая рациональность. Так Сталин решал теоретические споры двадцатых годов — о собственности и социализме. Крестьян вынуждали поставлять зерно государству по ценам, которые часто даже не покрывали затраты на его производство. Правительство затем продавало это зерно национализированным отраслям промышленности по более высокой цене и с большим «налогом с оборота». Полученная таким образом прибыль должна была составить значительную часть фондов индустриализации. Тем не менее рабский труд и голод крестьян и были главным источником «первоначального накопления»...

Социализм в том виде, какой ему придала советская практика, — это контролируемая бюрократией плановая экономика, осуществлявшая функцию «первоначального накопления» и, таким образом, достигшая быстрой модернизации. Государству принадлежали средства производства, и из-за этого некоторые думали, что оно было социалистическим; но партия подчинила

**Вся советская общественная система
была, в сущности, доведенной
до крайности формой
монополистического капитализма,
новой моделью эксплуатации,
граничащей с самым архаическим
и примитивным насилием**

себе государство средствами диктаторской монополии на политическую власть. Такая ситуация была моральным бедствием для социализма, подрывом идеала индустриализации. После второй мировой войны сталинизм стал моделью для имитации или заимствования для многих новых стран третьего мира. Он предлагал «русский» путь для свершения «французской» революции... Значит ли это, что сталинизм и другие стратегии насильственной индустриализации являются лишь «варварскими методами борьбы с варварством», по выражению Ленина, и, таким образом, могут быть оправданы исторической необходимостью?

В СССР при Сталине была создана современная, хоть и полная проблем, экономика и более высокие стандарты жизни. Эти перемены сопровождались эксплуатацией, насилием, лишениями и террором. Сталинское общество узаконило этот авторитаризм, который впоследствии принял более мягкие формы. К сожалению, существует множество интеллектуалов, которые просто смотрят на статистические данные, игнорируя преступления, и делают заключения о «социалистическом» характере прогресса.

Но вся правда состоит в том, что хотя антидемократическая коллективизация исторически объяснима, но она не может быть оправдана как «социалистическая». В какой-то мере она была доведена до крайностей «необходимостью», созданной западным капитализмом. Но в то же время, по существу, советская система была функционирующим эквивалентом капитализма, новой моделью эксплуатации, а вовсе никак не освобождением. Тот, кто симпатизирует революционеру, который пришлось действовать в жестких условиях ограничений, может быть вполне искренним. Тот же, кто называет их революцией «социалистическими», — абсолютно лжив... А первая фаза колониальных революций в третьем мире в дальнейшем испортила и дискредитировала идею социализма.

Но новый социализм не может просто фокусировать внимание на развитии капитализма и странах третьего мира. В конце нашего века и коммунистические общества находятся в процессе радикальных и фундаментальных перемен. Существует, как мы знаем, поверхностный анализ этого процесса, согласно которому каждый шаг от централизованного планирования и контроля сталинской эры рассматривается как шаг к «капитализму». Это — результат упрощенной — «черно-белой» — идеологии, которая видит только капитализм или социализм... Коммунистические общества уже сделали шаги в ином направлении. По крайней мере представляется возможным, что направление развития в рамках обществ с командной экономикой в конце концов создаст возможность демократизации структур, коллективизированных в прошлом «сверху». Если это случится, социал-демократический диалог с новыми силами в коммунистическом обществе будет иметь большое значение для будущего.

Социалистические преобразования — это дело целой исторической эпохи, а не года или десятилетия. Все, чего можно достичь в рамках одного поколения, — это осуществить максимальные структурные изменения, которые поставят революционное социал-демократическое развитие под контроль народа...

Если этот проект удастся, определенные неудачи на этом пути возможны. Даже цели будут двусмысленны, потому что власти могут присваивать себе лучшие социалистические идеи, антисоциалистически их использовать. Однако средства внедрения социалистической мечты — управляемые рынки и кооперативы, децентрализация и рабочий контроль — взяты из теории обще-

ства Каутского. Мечта эта одновременно стара и дерзко нова: неуклонная социализация всей планеты, которая несет с собой будущее, обнаруживаемое уже и в нашем настоящем, может стать инструментом освобождения, а не способом подавления свободных людей.

Если мы не сделаем ставку на эту возможность, мы столкнемся с невыносимой реальностью, осознанной Карлом Манхаймом в 1929 году: «...после долгого, мучительного героического развития, в наивысшей стадии уверенности, когда история перестает быть слепым роком и становится все более и более творением человека, свободным от утопий, человек потеряет волю творить историю, а вместе с этим и способность понимать ее».

...Я настаиваю на том, что политическое, экономическое и социальное развитие современного общества приводит к этическому, многоклассовому и децентрализованному понятию (и пониманию) социализма, его целей, основанных на демократизации и создании новых форм сообщества как в рамках одной нации, так и во всем мире. Эта идея имеет много общего с основными республиканскими ценностями, коренящимися в американской и французской революциях. Разумеется, эта идея просто так не реализуется; она сейчас противостоит некоторым элитарным тенденциям в экономическом знании и конформизму общества. Таким образом, требуются демократизация информации и образования, передача власти децентрализованным органам, дающим реальную возможность гражданам участвовать в жизни общества.

Социализм — это вовсе не классовая идея, не способ подавления одного класса другим, а идея этическая, идея освобождения человечества с помощью социальных реформ, раскрепощение всех видов знания, обеспечивающих высокое качество жизни

разом, требуются демократизация информации и образования, передача власти децентрализованным органам, дающим реальную возможность гражданам участвовать в жизни общества.

Можем ли мы действительно создать пространство для личной и общественной свободы в современном обществе? Уверенности в этом нет. Мы можем убежденно сказать, что, если такая свобода будет существовать, она будет результатом новых глобальных проявлений и форм реализации солидарности и свободы, то есть того, что и называется социализмом...

Я пишу все это на закате эры господства правых сил, эры, наступившей в результате кризиса общества всеобщего благосостояния, основанного на идеях Кейнса, и накануне нового поворота «влево» на Западе, а, возможно, на коммунистическом Востоке и в третьем мире. Это значит, что многие люди, все еще находящиеся под влиянием недалекого прошлого, найдут мой футуризм донкихотским...

Но следует помнить: консерваторы доказали еще раз, что их идеология очень противоречива. Она предлагает логическое объяснение — но объяснение старое, бывшее в ходу еще в XVIII веке, — мифу о «невидимой руке» (выражение А.Смита), направляющей действия видимой руки элиты, мифу об идиллии органического сообщества...

А социализм?.. Более ста лет назад родилась мечта о демократическом социализме, мечта, которая фактически вдохновляла каждое завоевание в сфере свободы. Но когда социализм предпринял попытку создания новой цивилизации, выходящую за рамки простых реформ, получилось нечто катастрофическое — неправильное, неясное и эфемерное. Вопрос в том, сможет ли социализм чему-то научиться на своих ошибках, идущих от непонимания собственной сути.

Если нет, он окажется лишь самой благородной и даже полезной политической иллюзией. Но если сможет — сохраняется надежда на свободу, солидарность и справедливость — возможно, на выход из «медленного апокалипсиса», в котором мы живем.

Она жила под многими именами: первое, Рене Марсо, получено от отца, французского рабочего Робера Марсо 10 августа 1913 года при рождении, последнее дал ей муж — известный среди военных разведчиков комбриг Яков Бронин, сменивший легендарного Рихарда Зорге в Шанхае в 1934 году. — **Элли Брони́на.** Именно оно значится в постановлениях о награждении за выполнение специальных заданий военной разведки в 1935 году — орденом Красной Звезды, в 1937 году — орденом Ленина.

Когда Яков Бронин был в Шанхае, Элли работала у него радисткой. А в 1934-м произошел такой случай. Советская военная разведка некоторое время не получала от Рихарда Зорге радиogramм. В Москве переполюшились и решили послать к Зорге специалиста по рациям. Направили Элли. Проверив рацию Зорге, Элли выяснила, что она исправна, а радист не выходит на связь лишь потому, что испугался делать это в условиях «работы за границей»...

В 1936 году ее одну, без всяких сопровождающих, направили в Испанию. С фальшивыми документами, под чужой — в который раз — фамилией она пробралась через всю Европу и проникла в штаб генерала Франко. В 1942 году Элли

вступила в КПСС. А через 7 лет ее объявили женой врага народа, к счастью, реабилитированного в 1955 году. С начала войны она полностью погрузилась в медицину. Защитила кандидатскую диссертацию в Первом московском медицинском институте в 1949 году: о раннем выявлении стенокардии с помощью электрокардиографических проб с нагрузками. Помогли приобретенные в раз-

ведке знания языков и умение работать с радиоаппаратурой. Готовилась защитить и докторскую диссертацию... Но в начале 50-х ее изгнали из клиники. Пришлось вести полуприщенское существование участкового врача, отказаться от любимого дела, чтобы иметь возможность зарабатывать на переводах, а на эти деньги кормить детей.

В середине 60-х Элли Брониной дали

персональную пенсию Советского Союза. В 1978 году она вышла из КПСС — шаг по тому времени очень смелый. Но Элли говорит, что осознала — «партия насаждает несправедливость в стране».

Многих людей встречала Рене-Элли в своей жизни: Рихарда Зорге, Тухачевского, Мерецкова, героев будущей «Красной капеллы». Сейчас они предстают в ее воспоминаниях. Элли пишет: «Как мно-

гие, я искренне верила тогда, что, совершив революцию в 1917 году, Советский Союз стал столь желанной страной справедливости, и я отдала этой стране 60 лет труда рядом с его трудовым народом, жаждущим, как и я, справедливости жизни. С этим народом я прошла такие политические университеты, которые, наверное, другой народ не знал... Я сроднилась с ним».

Воспоминания Элли пишет в своей московской квартире на Алтуфьевском шоссе на французском и русском языках, попеременно с переводом работ по мануальной терапии. Переводы будут опубликованы. Кто возьмется опубликовать воспоминания?

Правозащитники уходят в Центр

40-летний член Московской группы «Хельсинки» **Алексей Смирнов** стал исполнителем директором новой организации — Центра по правам человека. Центр — это попытка объединить усилия многих правозащитных организаций страны, чтобы сделать их работу более эффективной. Пока в него вошли Московская группа содействия выполнению хельсинкских соглашений, Комитет солдатских матерей, правозащитная группа московского «Мемориала», Комитет социальной защиты, Комитет помощи беженцам и вынужденным эмигрантам «Гражданское содействие». Все эти организации, по замыслу создателей, должны оставаться независимыми, работать самостоятельно, но в одном здании и координируя свои усилия. А затем уже возможна и совместная деятельность, если в ней возникнет потребность.

Есть две проблемы, которыми хотел бы заняться новый центр, говорит Смирнов. Первая — общественный контроль за политикой, воздействием на политические структуры, с тем чтобы они соблюдали права человека. Другая проблема — привить не только политикам, но и всему обществу иммунитет к диктатуре, к произволу, к беззаконию и нарушению прав человека. Задачи эти настолько объемны, что решить их можно только совместными усилиями многих правозащитников и при условии, что они не будут разбредаться по отдельным кельям.

— Думаю, всем известно, какие силы и организации подавляли у нас права человека — от прямого массового террора до обмана общественного мнения как внутри страны, так и вне ее. К обману прибегают до сих пор, — считает Смирнов. В качестве примера он приводит появление газеты ЦК КПСС под названием «Гласность» — плагиат заголовка журнала «Гласность», издаваемого правозащитником Сергеем Григорянцем. Чтобы такого не происходило, правозащитные организации должны быть достаточно сильны и могли при необходимости действовать совместно.

Алексей — внук известного диссидента 60-х годов, писателя Алексея Костерина. В 1979–1982 годах вместе с Иваном Ковалевым издавал информационный бюллетень по правам человека, материалы которого часто использовал в «Хронике текущих событий» и «Вестях из СССР» Кронид Любарский.

В 1982 году Смирнова арестовали и осудили на 10 лет лагерей и ссылки по статье 70 — за антисоветскую деятельность. Срок отбывал в легендарном пермском политлагере и чистопольской тюрьме. Не реабилитирован.

Если есть желание и возможности поддержать создание центра, обращается Смирнов, то деньги можно перечислить на расчетный счет 700283 в Шабаловском отделении Жилсоцбанка Москвы с пометкой: благотворительный взнос на уставную деятельность научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» по программе «Организация московского отделения Международного исследовательского Центра по правам человека» на имя руководителя программы А. Смирнова.

52-летний немец **Конрад Куяу** сделал своим ремеслом фальсификацию. Не опасаясь судебного преследования, он зарабатывает на хлеб насущный созданием им в Штутгарте «Галерей подделок».

Куяу прославился в Германии восемь лет назад, когда опубликовал на страницах гамбургского еженедельника «Штерн» написанные им самим дневники Гитлера. Позже он рассказывал, что деньги в то время его интересовали в последнюю очередь. А фальсификатором он стал из спортивного интереса: захотел проверить «профессионализм наших дорогих, уважаемых господ профессоров». Проверка бдительности историков обошлась ему в три года тюрьмы. Но на свободу он вышел признанным экспертом в области подделок и фальсификаций. Например, в 1988 году он без особого труда установил поддельность опубликованной в другом гамбургском еженедельнике — «Шпигеле» — телеграммы, содержащей

дает возможность блеснуть актерам. Его задача — в создании актерского ансамбля равных, в сохранении в спектаклях авторских интонаций. Многие помнят Викторину Лепко — пани Каролинку из некогда популярной телепередачи «13 стульев». Юрий Непомнящий увидел в ней трагическую актрису, которая с успехом ведет сложный репертуар театра, и полностью изменил ее творческую судьбу.

В «Вернисаже» не говорят о политике. В репертуаре — «Играем Бергмана, или Я — любовница моего мужа» — переведенная режиссером на язык театра киноповесть известного шведского режиссера; пьесы

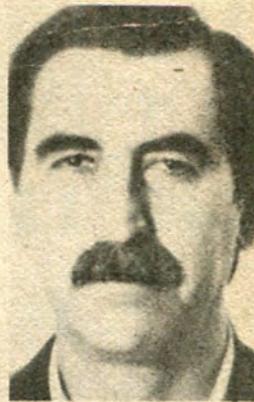

Ж.-П. Сартра «Ад» («За закрытой дверью»), американских авторов Д. Кромвелла и В. Стейнбека «Звезда Бродвея» (две истории из жизни артистов)...

«Вернисаж» Непомнящего — один из немногих молодых театров, которые выстояли

и развились за последние годы. Теперь у него есть свой зритель и собственное помещение в Москве — Беговая улица, дом 5.

Л. Столбова

Книги о Советском Союзе эпохи перестройки итальянского журналиста **Джульетто Кьезы** стали учебниками во многих университетах США. Едва ли найдется другой работающий в Москве иностранный корреспондент, который написал бы столько о преобразованиях в СССР за последние годы.

Сначала Кьеза вместе с Роем Медведевым издал книгу «Советский Союз в эпоху перемен», в которой еще в середине 80-х

дал точный прогноз развития демократии в нашей стране. Затем появилась книга «Революция Горбачева» — летопись событий от начала перестройки до 1989 года. В том же году, когда получил приглашение из Исследовательского центра Джорджа Кэннона в США, и написал там свою третью книгу — «Переход к демократии». В 60-х, во время студенческого бунта, Кьеза вошел в Секретариат коммунистического союза молодежи, стал вице-президентом Союза итальянских студентов. Вступил в компартию. Работал в газете «Унита» в Риме, потом в Белграде, а затем получил назначение в Москву. Но в Москве ИКП не жаловали, и Кьеза смог получить официальную аккредитацию лишь в 1980 году — спустя десять лет после того, как его назначили корреспондентом. Его первые же публикации из Москвы настолько поразили итальянских читателей своей остротой, что многие на родине сочли его антикоммунистом.

После того как вернулся в 1989 году из США, вновь поехал в Москву — корреспондентом «Стампы». И сейчас не теряет надежду, что хотя одна из его книг будет переведена на русский язык. Может быть, они представят интерес и для советских студентов.

Ан. Грачев

Борец за госсектор

45-летний **Игорь Артюх** — директор научно-исследовательского объединения «Торий» и глава Союза предприятий Москвы — подписал соглашение с Ю. Лужковым. В соглашении Артюх обязался, что объединенные в союз предприятия в течение двух лет увеличат выпуск товаров народного потребления даже сверх установленных заданий, несмотря на тотальный спад промышленного производства в стране.

— Государственные предприятия объединились, — объясняет Артюх, — чтобы выработать единую политику на будущее. Это необходимо, потому что издаваемые в последнее время законы отдавали предпочтение в основном новым формам предпринимательства — кооперативам, арендным предприятиям. Стал наблюдаться отток специалистов из госсектора. А в то же время производительность труда вопреки ожиданиям ни в кооперативах, ни на арендных предприятиях не стала выше, чем на государственных. Этим и объясняется сегодняшнее положение на потребительском рынке.

Артюх — сторонник всех форм собственности, он просто не хочет, чтобы какой-нибудь из них отдавалось предпочтение. Мы уже прошли тот период, когда государственный сектор был монополистом в экономике, говорит он, и видим, к чему это привело. Зачем бросаться в другую крайность? Союз призван отстаивать эту позицию. Впрочем, сейчас в него могут вступить не только государственные предприятия, но и представители других форм собственности.

Тем более что союз планирует заниматься коммерцией. Моссовет передает в его ведение десять — двенадцать магазинов, в которых будут продаваться товары, изготовленные предприятиями — членами союза.

Пока объединились 105 предприятий, на которых работают свыше 700 тысяч человек.

Игорь Артюх пошел работать на свое предприятие сразу после окончания Рязанского радиотехнического института. Лауреат государственной премии 1990 года, заслуженный изобретатель РСФСР. Помимо директорской работы в «Тории» заведует кафедрой в МИРЭА и является членом консультативного Совета директоров при премьер-министре СССР.

И. Жарких

приказ о депортации тысяч гражданских лиц в годы войны и подписанной офицером вермахта Куртом Вальдхаймом, впоследствии канцлером Австрии и генеральным секретарем ООН.

Куяу утверждает, что может подделать почерк почти любого политического деятеля: Вильгельма II, Гинденбурга, Бисмарка, Наполеона и даже нынешнего канцлера Германии Гельмута Коля. Но особое удовольствие доставляет ему живопись. В своей «Галерее подделок» он выставил 62 собственноручно написанные имитации известных художников. Куяу смеется над теми, кто месяцами корпит над копией, добываясь стопроцентного сходства с оригиналом. Его подход к работе — творческий. Он может просто написать картину в стиле, например, Ван Гога или поменять направление скачущего всадника, срисовывая Франца Марка.

Русский драматический театр последнего десятилетия складывался как театр режиссерского диктата.

Юрий Непомнящий, выпускник Государственного института театрального искусства, по образованию и по профессии режиссер, создал антирежиссерский, актерский театр «Вернисаж».

Оставаясь в тени, он

Ваш костер в тумане светит

Татьяна
Иванова

Почему я больше не вижу в Москве цыган, цыганят, цыганок? Это избранная мною демократическая власть так лихо с ними разобралась? Где несчастный безногий мальчонка, который ходил на руках в переходе у «Детского мира»? В Москве им с матерью хорошо подавали. Кто подает сейчас?

Ей-богу, в моем отнюдь не беззаботном возрасте предостаточно поводов для огорчений и помимо, так сказать, объективных. Но статья Леонида Млечина «Цыганская баллада» из 32-го номера «Нового времени» так меня расстроила, что я ни о чем, кроме нее, и думать не могла. «Цыгане, как и евреи, бегут в Германию» — так она начинается. А близко к концу есть фраза: «Цыган не любят. И власть знает: за цыган никто не вступится».

Там в основном речь про другие страны, не про нашу. Но есть и наши примеры. И вот эта отчаянно грустная фраза с безличным «не любят» и с обобщенным, а значит, относящимся к каждому «никто не вступится» — не вступится никто, — эта фраза про нас.

А ведь, пожалуй, и правда, почти все лето я не вижу в Москве цыган, цыганок, цыганят. Однажды весной в троллейбус вошла прелестная юная женщина в широкой цветастой юбке, ее смуглый ребенок, удобно привязанный к маме платком, глядел по сторонам смысленными черными глазами. Я любовалась грацией этой пары, легкой походкой, гордой осанкой цыганки. «Помада, девочки, помада», — говорила она, и быстро, ни за что не держась, шагала по зыбкому троллейбусному полу. «Стрелять их надо, спекулянтков проклятых», — сказал голос рядом со мной. — Запакостили Москву, от них грязь, гадость, к стенке всех ставить». Голос был тоже женский. И я сказала: «Что такое вы говорите... Ведь у вас, наверное, тоже детки... «Стрелять»... Как выговорить такое слово, не то что выстрелить...» Бесвязные мои слова еще больше взъярили соседку:

«Я сама бы их стреляла. Рука бы не дрогнула. А раз вы за них заступаетесь, значит, сами такая».

В дискуссиях такого плана я абсолютно бессильна. Непримиримой попутчице ответить могла только мысленно, зато отвечала весь вечер, пока шла домой, пока занималась уборкой, пока пыталась уснуть... Вы так уверены, мадам, что именно вы, с вашей монументальной отлакированной прической и монументальным же бюстом, с вашей тяжелой походкой командора, злыми глазами и хамской речью, с вашим жестоким голосом и бездарными золотыми серьгами, — вы так уверены, что именно вы и есть главное украшение нашего города, а прелестная цыганка портит пейзаж... Вы не сомневаетесь, что все любят вас, ценят вас, любят и уважают... Господи, неужели трудно понять, что каждый из нас, любой из живущих на свете, для кого-то самый красивый, самый дорогой, и милый, и любимый, и добрый? И неужели трудно понять, что, если бы остались на этой земле только монументальные дамы или одни темноглазые прелестницы, эта земля стала бы однообразной, скучной и серой и ее еще труднее, чем сейчас, ее совсем невозможно стало бы любить, ее не за что стало бы любить и она умерла бы, просто умерла бы никому не нужная...

Почему я больше не вижу в Москве цыган, цыганят, цыганок? Это избранная мною демократическая власть так лихо с ними разобралась? Где тот цыганенок, несчастный безногий мальчонка, который ходил на руках в переходе у «Детского мира»? В щедрой и сравнительно с другими российскими городами богатой Москве им с матерью хорошо подавали. Кто подает сейчас?!

Посмотрите, посмотрите друг на друга внимательно, милые русские люди:

Устав от разводов и пьянок, Гостиных и карт по ночам, Гусары влюблялись в цыганок И седенький поп их венчал.

А сыну глядела Россия
Ночная метель и гроза
В немного шальные, косые,
С цыганским отливом глаза...

.....
В цыганкиных правнуках
слабых

Тот пламень дотлел и погас,
Лишь кровь наших диких
прабабок

Нам кинется в щеки подчас.

...А у кого-то из соотечественников вдруг заметишь такие высокие скулы, что невольно подумаешь про дальнюю татарскую родню и про себя решишь, что, если бы он вздумал вдруг вернуться на родину предков, надо было бы посоветовать ему ехать на берега голубого Керулена... И финская высокая стать чуть не у половины коренных петербуржцев... И чернокосяя — коренная тверская! — абсолютно русская девчонка вдруг так повернет головку, что откуда-то из глубин памяти всплывет словосочетание «киргиз-кайсацкия орды».

И все на этой земле — дома. И у всех на этой земле — корни. Да так приживлены... Слезами, кровью предков эта земля полита — слезами и кровью наших русских, наших евреев, наших татар, наших цыган. Какого вам еще родства? Каких корней? Какой крови?!

Здесь все наши. Милые, не убегайте, не уезжайте, оставайтесь. Как нам без вас?

...Я вспоминаю свой маленький послевоенный нищий разбомбленный подчистую городишко. Мы с бабушкой идем в поле напрудни доить свою корову Дочку. Хлебца ей кусочек не сем, посолили. Дочка обрадуется нам, замычит навстречу. Мы скажем: здравствуй, Дочка, соскучилась, поди... Ну, хорошая, хорошая, мы тоже без тебя соскучились... Дай нам теперь молочка, а вечером домой придешь, мы тебе там хорошей травки припасли...

У Дочки глаза человеческие, умные. Бабушка моя в беленьком платочке, красивая. Трава, солнце, тропинка. Вон стадо, а когда бабушка подоит, мы пойдем

Табор — где он сейчас?

Фото ИАСС

чуть дальше, к лесочку, к шатру — к цыганам чай пить.

На зеленой полянке цыганки раскинут цветастую скатерть. Начищенный, яркий самовар, красивые чашки поставят. Бабушка моя достанет мелко наколотый сахар, завязанный в чистую тряпочку узелком: наш вклад в общее застолье. Старая цыганка принесет миску горячей картошки, положит лук, хлеб. Долго, серьезно, грустно, негромко беседуют женщины. Бог простит христианку, что она просит смуглых подруг погадать. Есть о чем гадать моей бабушке в 1949 году посреди России...

А мне весело с цыганами, шустрými, вострыми, выдумщиками, фантазерами.

...И недавно, да вот весной, на улице цыганка идет мне навстречу. Где они берут такие красивые юбки, думаю я, — а надо бы думать: где они берут такие восхитительные походки... «Красавица, дай я тебе погадаю, все будет хорошо у тебя, красавица, умница...» Это мне. Куда же вы проводили из Москвы тебя, великодушное создание? Кто теперь меня назовет красавицей и умницей и кто скажет, что все у меня будет хорошо?

Вы, Гавриил Харитонович? Или вы, Юрий Михайлович? Но у вас не та осанка и не та походка...

Алапаевск... Название этого небольшого уральского городка часто звучит сейчас по радио: там, говорят, цыганские погромы. И никто не заступится за цыган? Но этого не может быть, я не верю. Я скажу, кто заступится, назову имена. Если бы цыгане читали «Новое время», они взяли бы этот номер и пошли прямо к тем людям, которых я сейчас назову, — и я уверена, нашли бы защиту.

Несколько лет назад я писала в «Неделе» про Ивана Даниловича Самойлова. Этот великий человек — гражданин Алапаевска. Он выпускник московского института, инженер-землеустроитель. В свободное от работы время, в выходные и отпуска он по собственной инициативе своими руками сначала в одиночку, а потом с помощниками восстанавливал из руин — и полностью восстановил — Спасо-Преображенскую церковь. Высокая колокольня, главный купол в короне из восьми главок, чуть поодаль девятая, малая, надалтарная. Храм, по существу, был отстроен заново, и работа

по восстановлению его была столь же громадна, как и работа по строительству. Вообразите себе хотя бы, что надо возвести леса, хотя бы только леса... Иван Данилович возвел. Представьте себе теперь не только восстановленное, а, по существу, отстроенное заново многоглавие, главный вход, пояски, наличники, пилястры, чугунную ограду на каменном цоколе, — в возрожденной церкви как было, чугунные плиты калинского литья на полу, и кованые решетки, и фрески... С Самойловым работали: Александр Иванович Окулов, потомственный плотник, Яков Павлович Анохин, каменщик и штукатур, Иван Алексеевич Козлов, тоже каменщик, Григорий Афтимонович Перовских, плотник и маляр, Валентин Константинович Сорокин, каменщик, Иван Наумович Зуев, кровельщик.

Если люди возводят храм, они не могут одновременно губить свои души. Если люди способны возвести храм, они способны уберечь от разрушения человеческое братство. Они способны защитить гонимых, обиженных, они способны заступиться.

Надо бы докричаться до

алапаевских несчастных цыган: ищите, зовите на помощь Ивана Даниловича. Иван Данилович, слышите ли? Созовите друзей, заступитесь за цыган. А то здесь, в Москве, уже пишут, что за цыган никто не заступится. Неужели переживать еще и этот позор людям «русской национальности»?

Или алапаевские до того дожились, что способны и не послушаться Ивана Даниловича?..

...Вечером мы с бабушкой выходили встречать Дочку из стада. Медленно шли по зеленому полю коровы. А у леса мерцал костер, на лету гасли искры. «Цыган не любят»? «Никто за них не заступится»? А нас с вами — кто, кроме наших близких, любит нас? И кто заступится за нас? Знайте же: если мы позволим себе кого-то не любить, за кого-то не заступаться — за цыган, за татар, за турок, литовцев, евреев, армян или азербайджанцев, — знайте же, что любовь уходит с этой земли вместе с гонимыми, что, оставшись одни, мы сгрызем друг друга за слишком высокие скулы, слишком черные глаза или слишком светлые носы, мы пропадем, сгинем, сойдем на нет. И туда нам тогда и дорога.

Безвременно ушел от нас Подписчик...

Д а, у нас неприятность, которая не снилась в кошмарном сне и И.Полозкову. И сльциским изгоям — секретарям парткомов. И обладателям талонов на водку (на сахар, на крупяные культуры...). Или пассажирам МПС и Аэрофлота, проживающим на соответствующих вокзалах города-героя-курорта Сочи в условиях стихийного бедствия. Не позавидуешь нам, одним словом. Ощущение такое, будто кто-то выдернул несущее перо из крыльев, которые дала нам, журналистам (в свое, конечно, время), партия.

Да. Безвременно ушел от нас Подписчик, известный об этом редакцию саркастическим посланием. Может быть, это был тот самый Подписчик из известной байки про незадачливого главного редактора энского издания, который, столкнувшись по воле случая в купе вагона с соседом, читавшим его средство массовой информации, растроганно воскликнул: так это Вы!!! Наш Подписчик ушел не по-английски; а по-нашему: мало того что хлопнув дверью, но и на прощание закатав в банку с маринадом пишущий «золотой фонд» нашей редакции (даже самого Млечина!). А уж обо мне позаботился персонально. Я у него — последняя капля, приняв которую, Подписчик «и решил отказать от подписки на ваш журнал».

Счет к нам предъявлен поистине неполатный: «резкое снижение уровня, быдловато-огоньковский стиль ряда публикаций», «отсутствие элементарной журналистской этики» (последнее мы, кстати, уже слышали из уст самого секретаря ЦК КПСС со страниц «Правды»), разговор с читателем «языком пивных баров в подлинно солдафонской манере» — и все это в журнале, «который еще совсем недавно являл подлинный образец серьезной, безупречной с точки зрения профессионализма, журналистики».

По какой именно журналистике заостковал отпавший от нас Подписчик, вычислить не составляет труда (в том числе и по тем приметам, что содержатся в его послании). Да, еще совсем недавно и наш журнал, как и весь печатный механизм вездесущего Агитпропа ЦК, «являл образец» и в самом деле респектабельной, стерильной с точки зрения недреманного идеологического ока, повседневной письменности, которая не способна была обидеть кого-либо, кроме разве что международного империалиста. Это была журналистика, зачехленная в герметический чулок надежной условной марки, кардинальной задачей которой ставилось «беречь в чистоте». Отсюда и возделенное для отпавшего Подписчика чистоплюйство, в том числе и в «штиле» письменности. Но мы без сожаления распростились с такой журналистикой — хлебом для сонмов штатных пропагандистов и лукавых агитаторов, велеречивых лекторов и лжеполитинформаторов, дурачивших честной народ на всех перекрестках...

Эх, Щербаков Ю.А., Щербаков Ю.А. (Москва)! Что же вы над нами учинили без суда и следствия-то? Это почище гражданской казни. В панике мы, в трансе, суденышко наше, и без того утлое, такую тесть дало! Вот уже сколько дней сидим ломаем головы — как нам остальных-то подписчиков удержать при себе, чем их заманить, залучить. Ведь и влиять на кого-то хочется, да и кормиться надо трудовому коллективу нашего малого предприятия в условиях наступающей социалистической базарной экономики.

От себя уже отрываем, можно сказать: шутка ли, когда все солидные средства массового психоза знают себе цену набавляют, мы, лишившись Подписчика, с перепугу на целую копейку себя занизили. Это посчитайте-ка,

сколько на весь тираж «НВ» выйдет?! Да ладно бы в наших древесно-стружечных. А если на твердую валюту перевести (а «НВ» ведь все еще по миру ходит на разных языках!)? Копейка — это она по-нашему копейка. А если ее конвертировать к тому же доллару, к примеру, да по ау-!-кционному-то курсу, то это ведь целых 0,000007 американского цента получится! Держи карман шире! Мы уж тут не говорим про поговорку: копейка рубль бережет, а оно за месяц целых четыре будет набегать у стойкого-то нашего подписчика.

Так что и Щербакову Ю.А., думается, было бы над чем подумать, прежде чем принимать столь судьбоносное и для него, и для нас решение, как отказ от подписки на не ко времени подешевевшее издание. А ведь у нас в загашнике (в банке с идеями!) зреют и другие «крючки» на читателя, на которых мы надеемся возместить столь ощутимую потерю. Так, например, в наших правящих кругах (среди тех, кто «правит» заметки) вынашивается проект объявления кредита на подписку для членов КПСС в ранге секретарей (начиная, естественно, с первичных ячеек), которым (и мы это понимаем) трудно по нынешним временам выделить из скромного взносового бюджета средства на подписку иных изданий, кроме «Правды», и только «Правды».

Разрабатывается также и система поощрения наших наиболее выносливых читателей, и особенно подписчиков. Это прежде всего набор призов. Таких, как: круизы по местам боев ОМОНа или городам-героям, сменившим свои героические названия; набор долгоиграющих дисков с текстами речей и выступлений Е.Лигачева, Н.Андреевой, В.Жириновского, других видных деятелей современности; биографические альбомы В.Алксниса, А.Невзорова, А.Макашова в качестве иллюстрированного приложения к журналу; посещение (в ранге зрителей, разумеется, без права решающего голоса) закрытых заседаний пленумов ЦК КП РСФСР, Кабинета министров СССР с участием В.Павлова, Советского комитета защиты мира и других компетентных органов.

Одним словом, дорогие читатели, с нами не соскучишься. И хотя подписка (как и просто чтение) нашего журнала — дело копейное и сугубо добровольное, настоятельно рекомендуем вам держаться нашего парохода хотя бы ради того, чтобы прослыть «серьезным читателем». А это по нынешним временам, как вы сами понимаете, само по себе дорогое стоит.

Спешите на почту, в Союзпечать. Не прогадаете. А уж мы об этом позаботимся, даем слово!

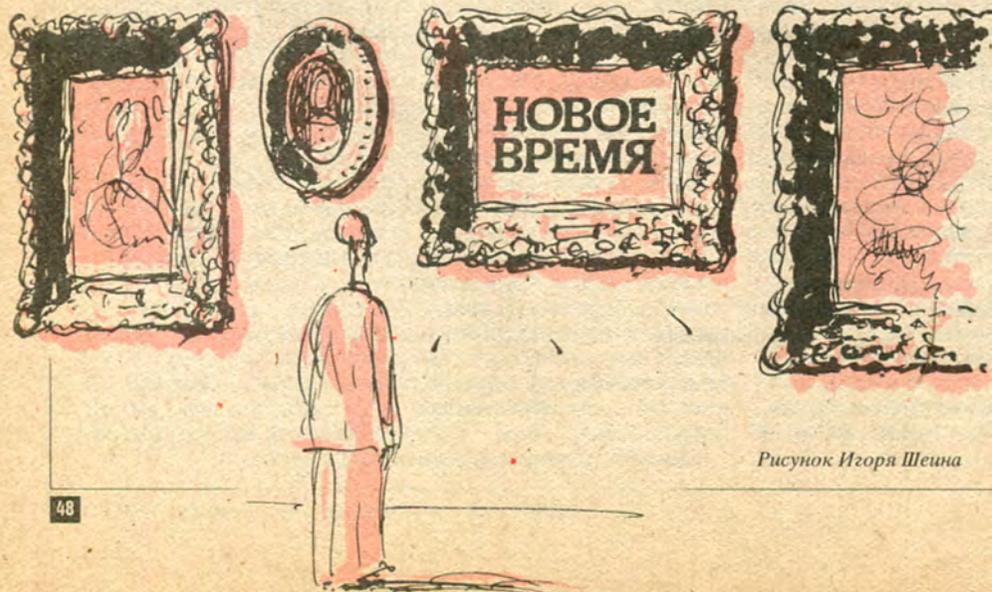

Рисунок Игоря Шеина

Виталий Ганюшкин

Новые рейсы

Alitalia

каждый день - в Италию

Ежедневно:

Москва	Милан	Рим
18.00	20.40	22.35

понедельник, среда,
четверг, суббота:

Москва	Рим
16.55	19.40

Любую информацию Вы можете получить в офисе Алиталии в Москве:
103031 Москва, Пушечная ул., 7. Телефоны: 923-98-40, 923-98-56

Alitalia

ФИАТ

КРОМА 2.0

ТУРБО i.e.

Рабочий объем цилиндров, см ³	1995
Мощность, л.с.	158
Максимальная скорость, км/ч	215
Разгон с места до скорости 100 км/ч	7,7 сек.
Расход топлива на 100 км при скорости 90 км/ч	6,3 л.
Расход топлива на 100 км при езде по городскому циклу	9,9 л.

КРОМА 2.0
ТУРБО i.e.